

★ **ВАСИЛИЙ** ★

ЛАЗЕРНАЯ

КРЫСА

# ГОЛОВАЧЕВ

ПОСТОРОННИМ  
ВХОД  
ВОСПРЕЩЕН

# **Василий Васильевич Головачев**

## **Посторонним вход воспрещен**

### **Серия «Контрразведка: Future», книга 1**

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=165595](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165595)  
Посторонним вход воспрещен: Эксмо; Москва; 2007  
ISBN 978-5-699-22861-4*

### **Аннотация**

Уже не раз случалось, что великие научные открытия оборачивались для человечества великими бедами. Вот и строительство между орбитами Марса и Земли Суперструнника – суперструнного генератора для исследования квантовой гравитации, который должен помочь раскрыть тайну рождения Вселенной, – вызывает все большее беспокойство как у независимых ученых, так и у сотрудников Федеральной Службы безопасности Солнечной системы. Цепочка необъяснимых совпадений связывает далекое звездное скопление Омега Кентавра и это грандиозное творение людей. Вот только случайны ли эти совпадения и каковы будут последствия странной взаимосвязи? Выяснить это предстоит Руслану Горюнову, бывшему спасателю, а теперь контрразведчику, который под видом инспектора агентства по контролю за опасными исследованиями отправляется в самое пекло – туда, где теперь решается: быть или не быть человечеству.

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	80
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

# **Василий Головачев**

## **Посторонним вход воспрещен**

### **Глава 1**

### **Ось зла**

Его всегда завораживала красота космоса. Именно поэтому он, наверное, и стал астрономом. Не космологом, не астрофизиком, хотя, естественно, изучал космические теории и знал все гипотезы о происхождении звёзд, галактик, их скоплений и Вселенной вообще. Нет, Артур Крестовский, молчалив и затворник, любитель тишины, яблочного пирога и простоты во всём, закончил Симеизский институт Космоса и много лет работал там же, в Симеизе, рядовым астрономом, наблюдателем за звёздами, солнцем и необозримыми космическими просторами. Многие приятели (друзей у него практически не было) Артура качали головами, советовали найти работу поперспективней и покреативней. Однако никакие особые перспективы его не прельщали, и даже когда ему предложили возглавить Симеизскую обсерваторию, он отказался. Это наверняка помешало бы ему изучать небо. И

любоваться им.

Да и можно ли не любоваться звёздными панорамами Галактики, где существуют такие великолепные узоры и картины, как взрыв сверхновой звезды Эты Киля, выбросивший в космос перья огня и светящейся пыли, которые сложились в удивительном образовании, напоминающем бабочку с жемчужными крыльями? Или геометрически выверенной «колоннадой» в самом сердце туманности Орла, расположившейся всего лишь в семи тысячах световых лет от Земли? Грандиозные тёмные столбы из газа и пыли напоминали коллекцию сталагмитов, «тающих» под интенсивным ультрафиолетовым излучением массивных горячих звёзд. Процесс этот называется фотовыпариванием, но Артур Крестовский забывал термины, восхищаясь звёздными пейзажами, потому что его в первую очередь захватывала эстетика подобных образований, их формы, и лишь в последнюю – физический смысл процесса.

Нравилось ему наблюдать и за игрой света в кольцевых туманностях – памятниках умирающим звёздам. То есть таким, что уже пережили колоссальные взрывы, сбросившие в пространство их оболочки. Завораживали формы этих туманностей.

Улитка – красно-фиолетовый спиральный завиток из светящегося газа вокруг центральной звезды, до которой луч света бежал всего лишь четырьмястами пятьюдесятью годами.

Скат – несколько волнистых кругов жемчужного цвета,

образованных турбулентным поведением газовых сфер.

Или Кошачий Глаз, где обнаружилась вторая звезда, также сбросившая газовую оболочку, которая и сформировала туманность в форме красивого звёздного «глаза».

Туманности Пузырь (которую раздувал мощный «ветер» излучения), Вуаль, Сатурн, Крабовидная – тоже были очень эффектными, волшебными по силе воздействия на поэтические натуры людей. Но Крестовский, хотя и был навсегда очарован ими, всё же больше времени тратил на квазары и галактики. Вот за ними он мог наблюдать не часами, а сутками, не обращая внимания на такие житейские мелочи, как еда и сон. Именно благодаря своей увлечённости, а также усидчивости и терпению он и сделал несколько открытий, несмотря на то что сканирование неба давно уже было передано инкам,<sup>1</sup> и в окуляры телескопов можно было не смотреть. Правда, астрономы всё же наблюдали за небом, но делалось это посредством мониторов, через объёмные видеосистемы, и учёные в большинстве своём просто сидели перед экранами и виомами.

Артур Крестовский жаждал видеть звёзды «напрямую», не через виомы, для чего использовал эмскан – шлем прямого визуального контроля, передающий видеoinформацию напрямую в мозг человека. Во всём мире пользовались такими приборами считанные единицы, специалисты, для кото-

---

<sup>1</sup> Инк – интеллект-компьютер, имеющий возможность поддерживать диалог с человеком.

рых не нужен был «перевод» с «языка телескопа» на «язык человеческих чувств».

Определить ощущение, возникающее у Артура во время сеансов слежения за пространством, одним словом было трудно. В нём смешивались и восторг, и радость, и сожаление. Сожаление – от того, что смотреть на звёзды нельзя было все двадцать четыре часа в сутки. Душа жаждала новых эстетических потрясений, красота космических панорам увлекала до безумия, и лишь обязанности члена общества не позволяли Крестовскому превращаться в геймера, увлечённого очередной игрой и полностью зависящего от автоматического поддержания жизнедеятельности организма.

Первого апреля две тысячи триста третьего года он заступил на очередное дежурство в центре управления «Сферой»: так называлась система телескопов, расположенных возле многих планет Солнечной системы и в космическом пространстве, объединённая в единый визуально-наблюдательный комплекс. Это позволяло не просто расширить апертуру наблюдательной техники, но и на три порядка увеличить глубину проникновения во Вселенную человеческого взора. Достаточно сказать, что после введения «Сферы» в строй астрономы открыли тысячи новых квазаров на дальностях до тринадцати миллиардов световых лет, уточнили волокнисто-сетчатую структуру Вселенной и обнаружили десятки экзотических объектов, заставивших специалистов пересматривать физические теории. Среди них были и «кварко-

вые капли», и «голые» космологические струны, оставшиеся со времён Большого Взрыва, и области «кристаллического вакуума», не доступные для прямого зондирования.

Почаствовал в процессе открытия экзотов и Артур Крестовский. Ему удалось обнаружить десяток гравитационных линз из «тёмной материи», состоящей из недавно открытых частиц – аксионов и нейтралино, шесть «запредельных» квазаров с необычными характеристиками и «стенку домена» – странное образование, напоминающее зеркальную пластину площадью в двадцать восемь миллионов парсеков, отталкивающее звёздное излучение.

Эту «стенку», получившую название Аттрактор Крестовского, он изучал до сих пор, используя всё свободное от других занятий время.

Центр управления «Сферой» располагался на другой стороне Луны, под поверхностью лунного цирка Королёва, и имел собственную станцию мгновенного транспорта, сокращённо – метро. Артур, три года уже живший в Варшаве, вошёл в кабину метро польской столицы и вышел из кабины уже на Луне. Поздоровался с дежурным оператором, которого должен был заменить. Попил с ним горячего шоколада и устроился за вириалом управления комплексом.

Вириал представлял собой полусферу с полусотней кон-кресел, на которые сводились все информационные каналы системы телескопов, а её внутренняя поверхность могла превращаться в сотню экранов или в единый виом, отра-



жающий ту или иную панораму космоса. Разумеется, Артур был не единственным оператором «Сферы». Вместе с ним с телескопами комплекса работали ещё сорок с лишним астрономов и астрофизиков из разных уголков Земли и Солнечной системы. Тем не менее каждый из них, погрузившись в кокон-кресло, мог считать себя полновластным хозяином «Сферы» (не считая управляющего инка по имени Аргус) и работать в соответствии со своими задачами, не обращая внимания на других операторов.

По привычке Артур уделил внимание созерцанию наиболее красочных космических пейзажей, главным действующим лицом которых были далёкие галактики. Среди них была великолепная галактика M100 в созвездии Девы, удалённая от Солнца на десять миллионов лет, а также изумительной красоты галактика NGC891, видимая с ребра, разделённая надвое слоем тёмного, непрозрачного газа и пыли. Впрочем, ещё как минимум две сотни галактик имели необычные формы и могли претендовать на звание «мисс Вселенная», если бы устраивались такие конкурсы. Артур же с наслаждением созерцал их наряду с наиболее известными. Ему нравились и небольшие галактики типа Тележного Колеса – эта звёздная система действительно напоминала старинное колесо со ступицей и спицами из молодых звёзд, – и древние типа NGC4314, потерпевшие катастрофические столкновения с другими галактиками. Хотя больше всего он любил разглядывать гигантские скопления вроде Туманности

Андромеды, воспетой поэтами и писателями ещё в двадцатом веке. Эта галактика считалась одной из самых близких к Млечному Пути (до неё было «всего» около двух миллионов световых лет), имела двойное ядро и была почти вдвое больше родной Галактики человечества.

Бросил взгляд Артур и на открытый им экзот – Аттрактор Крестовского, видимый только посредством технических ухищрений «Сферы»: его изображение создавалось с помощью компьютерного синтеза. С расстояния в три миллиарда световых лет Аттрактор – «стенка реликтового домена», по мысли учёных, – выглядел неприметным лоскутиком мыльной плёнки. На самом же деле его размеры – четыре на семь миллиардов световых лет – поражали воображение, а физические свойства – он отталкивал звёзды и галактики – послужили предметом спора не одного десятка астрофизиков.

Крестовский довольно ухмыльнулся. Гипотез он не строил, споры не любил, довольствовался достигнутым и лишь в глубине души горделиво грозил всем пальцем: мол, мы тоже не лыком шиты.

Несколько часов Крестовский провёл в обычном рабочем состоянии: раскладывал по полочкам полученную информацию, сравнивал спектры излучений звёзд и объектов типа шаровых скоплений с данными за прошлый месяц, скрупулёзно отчитывался по каждой строчке плана – где, что, с каким объектом случилось. Рутинная работа наблюдателя.

Потом начал поиск в тех квадрантах неба, где можно было ждать каких-то открытий – от астероидов и плутино<sup>2</sup> в Солнечной системе до сверхдалёких квазаров и чёрных дыр.

Однако этот день, отмеченный юмористами всех мастей по всем видеопрограммам мира, не принёс ожидаемых событий. Звёзды в избранных участках космоса не желали взрываться, квазары не светили, астероиды не пролетали мимо векторных полей телескопов, новые экзоты не появлялись. Несмотря на это, Артур остался доволен своим дежурством и напоследок сосредоточил внимание на одном из самых красивых шаровых звёздных скоплений – Омеге Кентавра, расположенном на краю Млечного Пути. Состоящее из десяти миллионов звёзд, оно образовалось очень давно, ещё до формирования галактического диска, и звёзды в нём вырабатывали не гелий из водорода, а углерод из гелия. От таких звёзд остаётся «углеродная зола» – белые и красные карлики, и скопление претендовало на первую «кучку» такой «золы».

Бросив последний взгляд на великолепный звёздный шар, Артур вдруг ощутил беспокойство. Чувство «забытой вещи» возникало у него редко, так как он почти никогда ничего не забывал, но в данном случае сработала интуиция, а ей он доверял.

Артур снова включил аппаратуру контроля, вывел перед собой изображение шарового скопления.

---

<sup>2</sup> Плутино – космические объекты наподобие Плутона, находящиеся за его орбитой, в облаке Оорта.

Звёздная сфера Омега Кентавра, или, по каталогу, NGC5139, была известна людям ещё с девятнадцатого века. До скопления было пять тысяч парсеков, или чуть больше шестнадцати тысяч световых лет, и населяли его преимущественно старые красные и оранжевые звёзды классов от М и К до G. Оно приближалось к Солнцу со скоростью двести двадцать девять километров в секунду (можно было утверждать, что это Солнечная система приближается к скоплению) и, в общем-то, не представляло большого интереса для астрономов. В нём не вспыхивали новые и сверхновые звёзды, не рождались пульсары, чёрная дыра в центре скопления была стандартной, и лишь его удивительно ровная – идеально сферическая форма да цвет создавали у наблюдателя чувство эстетического удовлетворения. И всё же что-то в нём было не так.

Крестовский принялся «листать» память, стараясь понять, что же вызвало беспокойство.

Пришёл сменщик, вернее, сменщица, астроном из Ливерпульской обсерватории Норма Беккер, с которой Артур поддерживал дружеские отношения. Но он попросил её подождать и снова занялся созерцанием звёздного шара, загадочно мерцающего в пространстве на фоне галактического гало. Запросил информаций, начал просматривать видеозаписи скопления, сначала месячной давности, потом годичной и дальше, с шагом в пять и десять лет. То, что он искал, обнаружилось в записи столетней давности.

Естественно, со временем вид созвездий изменяется. Солнце движется по орбите вокруг ядра Галактики. Перемещаются другие звёзды и скопления, движутся звёзды внутри них, а те, что видел человек, исчезают в массе других звёзд или прячутся за облаками непрозрачной пыли. Движение это кажется медленным, проходят десятки и сотни лет, прежде чем становятся видимыми изменения в картине неба, и тем не менее их можно отмечать и даже прогнозировать. Хотя никто этим специально не занимается. Лишь великолепная образная память Крестовского позволила ему зацепиться за некое несоответствие в распределении звёзд внутри скопления по сравнению с тем, что он видел однажды в архивах.

Артур снял эмскан, виновато посмотрел на смуглолицую, подстриженную под мальчишку сменщицу.

– Извини, Норма, можно, я ещё поработаю полчаса? Не успел закончить кое-какие расчёты по Кентавру.

– Да без проблем, – отозвалась женщина, давно пытавшаяся склонить коллегу к совместной жизни; изредка это ей удавалось. – Кофе хочешь? Или горячего селенчая?

– Кофе, – согласился Артур, – со сливками.

Селенчай – шоколад из лунных ягод коки – он не любил.

Руки задрожали в предчувствии открытия.

Он вывел на купол вириала изображение Омеги Кентавра, а рядом поместил такое же, но снятое ещё сто лет назад космическим комплексом «Кольцо», в который входили новейшие радио– и гамма-телескопы типа «Хаббл-2200». Изобра-

жения на первый взгляд казались одинаковыми. За сто лет собственные движения звёзд в скоплении были едва заметны. И всё же отличия были. Там, где в настоящий момент находилась красная звезда-гигант, имеющая название Кентавр-2007, сто лет назад было две звезды: одна пряталась за другой, такого же класса, что и «две тысячи седьмая».

– Максимальное приближение, – попросил Артур Аргуса, выделив нужный участок скопления.

Инк центра управления повиновался.

В растворе виома возникли два квадрата, густо усеянные звёздами. Но в левом, отражавшем нынешнее состояние космоса, по-прежнему сияла лишь одна звезда Кентавр-2007, а справа из-за её «спины» выглядывала ещё одна. Точнее, две!

– Максимум! – бросил Крестовский.

– Необходим архивный поиск реперного изображения, – густым баритоном откликнулся Аргус.

– Ищи.

– Слушаюсь.

Потекли секунды ожидания, складываясь в минуты.

Поиск реперного, то есть базового, изображения скопления столетней давности потребовал четверти часа.

За это время Артур выпил чашку кофе, перекинулся с Нормой парой ничего не значащих фраз, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения, и снова нырнул в кокон-кресло.

Аргус вывел на эмскан ещё одно изображение Омеги Кен-

тавра.

– Мать честная! – взялся за нос озадаченный Крестовский.

Звёзд, одинаковых по светимости и по размерам, выглядывающих друг из-за друга и находящихся на одной прямой, было не две и не три – десять! Мало того, судя по колебаниям яркости всего «куста», их могло быть и больше.

– Надо проснуться, – пробормотал астроном, не отвечая на вопросы Нормы, что это он там увидел. – Аргус, полистай архивы ещё на пару сотен лет назад. И дай полный интенсивал по Кентавру-2007 и его окружению.

– Выполняю, – принял команду инк.

Ждать пришлось двадцать минут, за которые Артур успел связаться с ведущими астрономическими институтами Земли и просмотреть их архивы. Но лишь один источник – архив Аресибо – дал ему кое-какие сведения по интересующему вопросу. Как оказалось, только этот телескоп изредка поглядывал на окрестности Галактики, в том числе и на шаровое скопление в Кентавре, с целью изучения спектрального распределения звёзд и их характеристик. Остальные телескопы мира в течение последних трёхсот лет занимались изучением других участков неба и статистику по положению звёзд в скоплениях не набирали.

Перед глазами возникло изображение Омеги Кентавра, сделанное ещё в двухтысячном году на основе наблюдений за скоплением с помощью второго «Хаббла». И хотя оно бы-

ло малоинформативным, синтезированным из двух десятков видеок картинок через разные фильтры, всё же Аргус нашёл в нём звезду Кентавр-2007, а также двух соседей звезды примерно такого же класса. В данном ракурсе они выглядели как шарики на спице старинных счётов, и их конфигурация мало отличалась от конфигурации столетие спустя. Разве что видел их телескоп под другим углом зрения.

– Одиннадцать... – проговорил ошеломлённый Артур, подсчитав количество звёзд на невидимой «спице». – Они движутся с одинаковой скоростью... не разбегаются в разные стороны... ещё чуть-чуть, и будет видна только одна звезда...

– Да о чём ты? – подняла брови Норма, прерывая длинное рассуждение о мужчинах, высказанное ею по личному видео какой-то приятельнице. – Что ты там обнаружил?

– Кентавр...

– В Кентавре пятнадцать тысяч звёзд плюс шаровое скопление и несколько туманов.<sup>3</sup>

– Ты давно смотрела на Омегу?

– Зачем? Этот шарик не в моём вкусе. Я занимаюсь гроздью в Печи.<sup>4</sup> А что случилось в Омеге?

– Появилась Ось Зла.

---

<sup>3</sup> Имеются в виду туманности (сленг астрономов).

<sup>4</sup> Печь – созвездие Южного небесного полушария. В «гроздь» – скопление галактик – Печи входит 18 объектов, в том числе одна из самых ярких галактик NGC1365.



– Что? – удивилась Норма. – Какая ось?

– Это я так её назвал. Там за «спиной» Кентавра-2007 прячется ещё с десятков звёзд, а то и больше, и все они чётко укладываются на одну прямую, представляешь?

– Нет.

– Садись, Аргус тебе покажет.

Заинтересованная женщина устроилась в операционном кресле, инк выдал ей на шлем выкладки Крестовского, и она несколько минут сосредоточенно их изучала. Затем сбросила эмскан:

– Похоже, ты и в самом деле открыл необычную линейную структуру в Омеге. Если подтвердится, что звёзды лежат на одной прямой...

– Ты же видела – лежат! За триста лет с начала наблюдений ни одна из них не сошла с прямой! Будто их скрепляет какая-то невидимая ось.

– Ладно, давай понаблюдаем, покопаемся в архивах...

– Я сам, делай своё дело. Полечу в Штернфельдовский Институт, посмотрю их материалы. Вылези на секунду.

Норма освободила кресло, непривычно задумчивая.

Крестовский попросил Аргуса сделать две копии интенционала по Кентавру, одну послал к себе домой по Интерсети, вторую – другу Зденеку Гайдну из Щецина, с которым вёл переписку уже лет двадцать. Третью копию он записал на личный информ, освободил кресло.

– Всё, я поскакал.

– Может, встретимся после дежурства?

– Обязательно, – кивнул Артур, пропуская вопрос мимо ушей; думал он совсем о другом. – Пока...

Астроном покинул вириал управления «Сферой».

Соседний кокон раскрылся, на задумчивую Норму глянул коллега из Китая, с которым она была хорошо знакома. Китайского астронома звали Сю Синьцзы, он был молод и не по-китайски эмоционален.

– Что вы открыли? – По-английски Сю Синьцзы говорил с заметным акцентом. – Твой напарник прямо светится весь, давно я его таким не видел.

– Да ничего особенного, – пожала плечами женщина, устраиваясь в своём коконе. – Звёзды в Кентавре выстроились по ниточке. Думаю, это совершенно случайное совпадение.

Китаец расплылся в улыбке.

– А выглядит твой Артур вполне счастливым. Он зарегистрировал своё открытие?

– Не знаю, спроси у него. – Норма зарастила кокон и ушла в космические дали, начиная свою работу.

Сю Синьцзы погасил улыбку, некоторое время смотрел на соседку с какой-то странной подозрительностью, потом укрылся в коконе и включил канал связи с кем-то из приятелей на Земле.

Артур в этот момент, пребывая всё в том же состоянии сладостной эйфории, торопливо позавтракал в кафе центра,

где поддерживалась комфортная сила тяжести – десять процентов ниже земной,<sup>5</sup> спустился в отсек метро и переместился в Варшаву.

Он жил в стандартном жилом модуле типа «камон», из которых в Варшаве были построены сотни высоких – двухсотметровых – башен, но всего лишь на втором уровне. Чем выше располагались модули в башне, тем комфортнее становились и стоили, конечно, дороже. Как правило, венчали башни пента– и октохаусы – апартаменты для богатых владельцев, среди которых были и бизнесмены, и спортивные менеджеры, и чиновники Правительства. Приобрести такой модуль Артуру не помогли бы ни дружеские связи, ни его статус ценного работника. Впрочем, имеющих двух комнат ему вполне хватало, более того, окна модуля в любой момент можно было превратить в панорамные виомы с подачей любого изображения. Он так и делал – превращал модуль в «пентхаус» с видом на незаселённый тропический остров.

Такие острова, не имеющие инфраструктуры, пока ещё существовали и находились во владении сверхбогачей, хотя Земля была перенаселена и люди всё больше устремлялись в космос, на другие планеты Солнечной системы, находя там относительное уединение и тишину.

Артур принял «половинный» – водо-воздушный – душ (чистая вода была в дефиците и стоила дорого) и подсел к вириалу личного инка по имени Войтек. Захотелось ещё

---

<sup>5</sup> Сила тяжести на Луне в 6 раз меньше земной.

раз полюбоваться на шаровое звёздное скопление и оценить своё открытие, не укладывающееся в рамки современных физических законов, определяющих динамику движения звёзд в скоплениях такого рода.

Однако прочувствовать всю полноту счастья, свалившегося на голову в результате поиска звёзд в глубинах Омеги Кентавра, ему не дали.

Сначала позвонила Норма и спросила, зарегистрировал ли он своё открытие в Секретариате астрономического Союза или нет. Он ответил: нет.

Затем через какое-то время раздался звонок в дверь.

Крестовский отреагировал на него не сразу, к нему редко приходили гости, к тому же если и приходили, то предупреждали заранее. Удивлённый, он отозвался лишь на четвёртую трель звонка:

– Кто там?

Домовый инк показал видеокартинку: перед дверью модуля стояла красивая девушка с волной огненно-рыжих волос. В руках она держала букет цветов и необычной формы полупрозрачную коробку.

– Чего надо? – грубо спросил Крестовский.

Девушка показала ослепительную профессиональную улыбку.

– Я представляю транспортно-статистическое агентство «Син». Вы выиграли приз года как стомиллионный пассажир Варшавского метро. Разрешите вручить его вам.

Крестовский озадаченно почесал затылок, но подвоха не учуял. По видео постоянно кому-то что-то вручали разные рекламные агентства, и это было в порядке вещей.

– Что за приз?

– Фламмер «Мачо».

Крестовский поколебался, но решил приз взять. Фламмерами – мужскими наборами для сексуальных удовольствий – он всё-таки пользовался.

– Войтек, открой.

Инк открыл дверь. Девушка вошла в холостяцкую обитель астронома. Крестовский, впопыхах накинув халат, вышел ей навстречу.

– Извините, что у меня не прибра... – он не договорил.

Девушка протянула ему цветы, и разряд гипноиндуктора «МГ» («Медуза Горгона») превратил Артура в изваяние. Мысли отшибло, волю тоже. Он перестал что-либо анализировать, соображать и говорить.

– Готово, – доложила девушка в бусинку рации в уголке губ.

В квартиру вошли ещё две такие же красавицы с великолепными фигурами служащих модельного агентства. Ни слова не говоря, они обыскали квартиру Крестовского, умело вскрыли все программы инка и выяснили, что хозяин после появления дома не звонил никому.

– Скан? – посмотрела на стоявшего столбом Артура первая гостья.

– Зачем? – отозвалась вторая. – Он и так всё скажет. Кому ты говорил об открытии Оси Зла в Кентавре?

– Норме... – тусклым голосом сказал Крестовский. – Беккер...

– Это его приятельница, – кивнула первая красавица. – Ею тоже займётся сотый. Кому ещё?

– Зденеку...

– Координаты? – спросила первая девица, с букетом, в котором был спрятан гипноиндуктор.

– Войтек, координаты, – проговорила вторая голосом, не отличающимся от голоса Крестовского.

Инк послушно вывел на виом данные о Зденеке Гайдне.

– Сотый, – сказала третья красавица; между собой они разговаривали на английском языке. – Проверьте Щецин, даю адрес. – Она продиктовала адрес Гайдна. – Кому ещё? – обратилась она к Крестовскому.

– Никому...

– Говори правду!

– Я говорю правду...

– Всё правильно, он послал копию интенционала Гайдну и себе, в регистрационной палате никто ничего не получал. Обрадовался, идиот.

– Все файлы стёрли?

– Связанные с Кентавром? Все.

– Тогда кончаем с ним.

Вторая «супермодель» направила на Крестовского палец.

С ногтя сорвалась слабая искорка, вонзилась в шею астронома.

Он остался безучастным к этой процедуре.

– Уходим.

Девушки посмотрели на хозяина, и первая красotka бросила на пол небольшой шарик синего цвета. Затем троица покинула квартиру. Шарик вспенился, превратился в стремительно расширяющееся облачко голубого тумана, это облачко разрослось, заняло всю квартиру и растаяло, уничтожив все следы пребывания гостей в модуле.

Какое-то время Крестовский стоял в той же безвольной позе, глядя перед собой остановившимися пустыми глазами. Затем вздрогнул, будто его ударили по голове, шире раскрыл глаза... и мягко опустился на пол. Перестал дышать.

Кто-то позвонил по видео: раз, другой, третий.

Но ответить Артур не смог. Он был мёртв.

## Глава 2

# Следы остаются всегда

Степан Воеводин не только числился советником Федеральной Службы безопасности Солнечной системы, он являлся ещё и командиром секретного подразделения контрразведки «Сокол», созданного на случай прямых и не слишком позитивных контактов с другими жителями Млечного Пути. Правда, подразделение использовалось редко. На памяти Воеводина такое случалось всего дважды: когда китайцы едва не развязали войну с остальным человечеством, объявив Луну своей территорией, и когда земные разведкорабли не смогли приблизиться к ядру Галактики: их туда просто не пустила какая-то развитая балдж-цивилизация.<sup>6</sup> Кстати, остающаяся и поныне загадочной. Узнать, кто её носитель, какие цели она преследует, отказываясь от контактов с человечеством, не удавалось до сих пор.

Однако в остальное время отряд «Сокол» не принимал участия в мелких пограничных и социальных конфликтах, часто будоражащих Солнечную систему. Зато усиленно тренировался. А Воеводин продолжал им руководить вот уже без малого тридцать лет.

Десятого апреля, вечером – по времени Вязьмы, где про-

---

<sup>6</sup> Балдж – ядро любой галактики (астроном. термин).



живал советник, ему позвонил директор Службы безопасности Джон Байрон Ву:

– Гостя примете?

Удивлённый, но не показавший своего удивления Воеводин пошутил:

– Незванный гость лучше татарина. Или вы не знаете русских поговорок?

Ву, полный, вальяжный, с длинными не по моде седыми бакенбардами, улыбнулся:

– Насколько мне известно, ваша пословица звучит иначе: незванный гость хуже татарина. Кстати, а кто такой этот татарин?

Воеводин не сдержал смешка:

– В давние времена все татары были по сути пришельцами.

Брови Джона Ву изогнулись, он с сомнением взгляделся в лицо советника.

– Я об этом ничего не слышал. Впрочем, на эту тему мы поговорим, если не возражаете.

– Жду. – Воеводин перестал улыбаться, выключил консорт-линию связи, обеспечивающую полную конфиденциальность переговоров.

Джон Ву, одетый вполне по-американски, то есть консервативно, в потёртые джинсы и клетчатую рубашку «а-ля президент», появился в Вязьме через десять минут. Его сопро-

вождал лишь один личный телохранитель-витс,<sup>7</sup> которого он оставил во дворе старинной усадьбы Воеводиных. По утверждению деда последнего, усадьбе исполнилось как минимум четыреста лет. Такие усадьбы ещё сохранились на Земле, в частности – в России, особенно уважаемые в среде крупных бизнес-владельцев, несмотря на угрожающее демографическое давление цивилизации, покрывшей всю планету практически сплошным урбанистическим ковром мегаполиса. Но Воеводин не был бизнес-владельцем, просто унаследовал усадьбу от предков. Ему не раз предлагали продать «малую родину» площадью чуть больше полугектара, однако он не соглашался.

Советник встретил гостя на лужайке, где тот посадил флайт-такси, повёл в беседку.

Джон Ву бегло оглядел нависающие со всех сторон жилые башни Вязьмы, сел напротив хозяина за круглый столик посреди беседки.

Солнце ушло за громады зданий. Было тепло. Весна в этом году получилась мягкая, поэтому регулировщикам погоды не пришлось включать свои метеоустановки. Над городом мерцали цветные полотнища реклам, пронизанные «трассирующими» очередями транспортных линий, но шум сюда не достигал: усадьба была защищена звуковыми завесами.

– Минералка, синкола, алкоголь? – предложил Воево-

---

<sup>7</sup> Витс – высокоинтеллектуальная техническая система.

дин. – Или, может быть, горячего вязьмока?

– Что такое вязьмок?

– Вязьмоко. Напиток наподобие коровьего молока, делается только у нас в Вязьме, но уже широко популярно в Европе.

– Можно попробовать.

Воеводин проговорил в пространство:

– Две чашки вязьмока.

Никто ему не ответил, но через минуту из красивого двухэтажного дома выскочил юркий киб и принёс поднос с двумя широкими, как пиалы, чашками, в которых исходила паром белая жидкость с голубоватым оттенком.

– Один живёте? – взял чашку Джон Ву. – Извините за вопрос.

– Ничего, всё нормально. Жена отдыхает с внуками в деревне.

– Не знал, что у вас ещё есть деревни.

– Условные в большинстве случаев, но есть. – Воеводин отпил из своей чашки.

Джон Ву после недолгих колебаний присоединился к нему, прислушался к своим ощущениям.

– Интересно... оно газировано?

– Нет.

– Впечатление такое, будто во рту лопаются шарики... необычно... но вкусно.

– Могу договориться с приятелем, и вязьмоко будут до-

ставлять в вашу контору.

– Да, пожалуй, это было бы неплохо. Но к делу. Может быть, уединимся в доме?

– Нас и так никто не сможет подслушать. Я включил консорт-зону.

Словно демонстрируя наличие защиты, над беседкой просияла звёздчатая вуаль, погасла. Это означало, что территория дома и в самом деле была накрыта особым «полем воздушных осцилляций», контролируемым наносистемой датчиков и силовых паутин, которое отсекало всякую возможность подслушивания.

– Хорошо, – согласился Джон Ву, допивая вязьмоко; киб уволок поднос с пустыми чашками. – Что вы знаете о деле Крестовского?

Воеводин помолчал.

– Разве контора занимается этим делом? Оно же находится на контроле в Европейской кримполиции. Или я не всё знаю?

– Мы подключились к нему после двух других странных смертей коллег Крестовского. И вот что нам теперь известно. Его смерть назвать случайной нельзя. Астронома убили. Причём с применением высоких технологий.

– Нано, осмо, пси?

– Наши эксперты утверждают, что его сначала обездвигили, а потом ввели ему в кровь нанокиллера.

Воеводин хмыкнул.

Нанокиллером называли «диверсионный» впрыск нанороботов с определёнными заданными функциями. Нанороботы могли быть как лечебными, так и по-настоящему агрессивными, способными почти мгновенно выводить из строя те или иные органы человека.

– Медики нашли следы?

– Следы в таких случаях остаются всегда. Не важно какие: физические, химические, то есть материального плана, или психофизические и психосоциальные. Крестовский никогда прежде не жаловался на сердечно-сосудистую систему, но у него оказалось поражено именно сердце. Произошёл разрыв аорты. Он умер за доли секунды. Но главное не это. Точно с такими же диагнозами поступили в реанимационные клиники Норма Беккер и Зденек Гайдн. И та, и другой – астрономы, близкие знакомые Крестовского.

Воеводин потёр ладонью выпуклый лоб.

– Система?

– Система, но в другом смысле. Все трое не занимались никаким бизнесом и не были вовлечены в криминальные группировки. Вся их беда лишь в том, что Артур Крестовский сделал открытие.

– И за это их... убили?

Джон Ву кивнул.

– Вот почему я не стал вызывать вас в офис. Боюсь, мы встретились с явным сопротивлением неких сил, скрывающих своё присутствие в Солнечной системе и противодей-

ствующих нам в области астрономии.

Воеводин встал.

– Пойдёмте в дом.

Они покинули беседку, поднялись по ступенькам старинного крыльца с деревянными на вид резными балясинами, вошли в холл коттеджа с плиточным полом. Хозяин провёл гостя в свой кабинет, представлявший по сути большую книжную – редкость в наше время! – библиотеку, усадил в мягкое кожаное кресло. Сам сел за стол, тоже большой и деревянный.

– Здесь нам будет поспокойней. Итак, ваша гипотеза...

– Это уже не гипотеза, советник. Крестовский умница, он отправил файл со своими умозаключениями не только друзьям, но и своему инку, который тут же заархивировал посылку и сделал флэш-копию на резервном сервере. Её убийцы Крестовского не нашли. Зато обнаружили наши специалисты.

– Что же такого он открыл, из-за чего его посчитали нужным ликвидировать?

– Видите ли, Крестовский – весьма значительная фигура в своей области, уникальный специалист, а кроме того эстет, любитель звёздных пейзажей, отшельник.

– В каком смысле?

– Немного не от мира сего. Друзей не имел, жил один. В свои шестьдесят он так ни разу и не женился. Но не в этом суть. А открыл он Ось Зла.

Воеводин хмыкнул, глянул на гостя исподлобья. Тот улыбнулся.

– Вы сильны в астрономии?

– Я профессионал контрразведки.

– Тем не менее ваша сфера деятельности – внешние контакты цивилизации. А это означает, что вы должны быть в курсе последних астрономических и астрофизических открытий.

– Насколько мне известно, космологический феномен под названием Ось Зла был открыт ещё в начале двадцать первого века американским зондом WMAP.

Джон Ву с уважением посмотрел на собеседника.

– Вы знаете об этом больше, чем я. Действительно, в начале двадцать первого века зонд WMAP, созданный для наблюдений за микроволновым фоном Вселенной, позволил обнаружить на небесной сфере более тёплые области, расположенные отнюдь не случайным образом.

– В виде цепочки, которую и назвали Осью.

– Верно. Потом учёные нашли объяснение феномену, и о нём забыли. Но Крестовский реанимировал название, привязав его совсем к другой структуре. Он вдруг обратил внимание на шаровое звёздное скопление в Кентавре.

– Омега?

– Короче, он обнаружил цепочку звёзд, практически одинаковых по светимости и по размерам, которые располагаются строго по линейке. Таких звёзд он насчитал одиннадцать.

Воеводин прищурился, ожидая продолжения.

– Мы же насчитали... – Джон Ву помолчал, – девяносто девять!

По кабинету разлилось молчание. Руководители двух спецслужб Солнечной системы, отвечающих за безопасность, смотрели друг на друга.

– Цивилизация? – понизил голос Воеводин.

– Погодите. Звёзды эти не разбегаются в разные стороны, как остальные. Они вращаются вокруг центра скопления как единое целое, будто закреплены на какой-то чудовищной спице. Понимаете?

– Цивилизация, – сказал Воеводин утверждающим тоном.

– В настоящее время все они повёрнуты к нам таким образом, что видна только одна звезда – Кентавр-2007. Остальные девяносто восемь прячутся за ней.

– Как же Крестовскому удалось обнаружить Ось?

– Он заметил ничтожное отклонение в спектрах скопления столетней давности, сделал запрос в архив Астрономического союза. На снимках скопления, сделанных триста лет назад, виден ещё десяток звёзд. И Крестовский начал анализировать их положение, хотя должен был заниматься совсем другими проблемами.

– И его убили.

Джон Ву погрузился, вздохнул.

– Вот почему я решил передать это дело вашему сектору. Мало того, у нас появились другие, не менее интересные



данные, которые я тоже передам вам. Боюсь, самой контроре в ближайшее время запретят заниматься расследованием дела Крестовского. Мы испытываем очень большое давление... со стороны Федерального Совбеза.

– Там сидят агенты влияния этой самой... Оси?

– Вы всё понимаете, советник. Может быть, я немного поспешил с привлечением вашего отряда, но дальше медлить нельзя. Так вот, дополнительные данные. Вы, естественно, знаете о строительстве в Системе суперструнного преобразователя вакуума.

– Его чаще называют Суперклизмой, – усмехнулся Воеводин.

– Этого юмора я не понимаю, – пожал плечами директор Службы безопасности. – Мы строим в Системе самый большой ускоритель, какой только может создать человечество. И называть его Супер... гм, гм, клизмой не совсем правильно.

– Это вовсе не ускоритель.

– Абсолютно не ускоритель, я понимаю, но он позволит физикам продолжить исследования квантовой гравитации и элементарных частиц, чем занимались учёные на последних суперколлайдерах, поэтому в каком-то смысле Суперкл...

– Суперструнный. Вы правы, в этом смысле его можно называть преемником ускорителей. Но какое отношение он имеет к шаровому скоплению в Кентавре?

Джон Ву помолчал, поглядывая на панорамное – во всю

стену – окно кабинета, в котором виднелась стоэтажная жилая башня города.

Воеводин мысленно скомандовал домовому изменить поляризационную ось окна.

Прозрачный лист углепластика, практически не видимый глазом, превратился в слой золотистой пыли.

Директор СБ отвернулся от окна.

– Суперкл... э-э, струнник в материале представляет собой двадцатитысячекилометровую ферму диаметром около ста метров. Абсолютно прямую и ровную, как... э-э, как столб, собственно говоря. Так вот, она ориентирована точно на Омегу Кентавра, мы проверили. Мало того, эта струна направлена именно на звезду Кентавр-2007. Вам это о чём-нибудь говорит?

Воеводин потёр лоб.

– Совпадение?

– Не знаю, – обозначил улыбку Джон Ву. – Меня лично сие обстоятельство просто удивило. Потом заставило думать. Вам же придётся разбираться, совпадение это или нет. Как-то странно, что Ось Зла расположилась в пространстве таким образом, что ориентация Суперструнника совпала с ней до тысячных долей градуса. Точнее – будет совпадать идеально к моменту запуска Суперструнника. Понимаете?

– Интересно, – тихо сказал Воеводин.

– Вы так полагаете?

– Вопрос можно?

– Конечно.

– Кто в Управлении СБ знает о расследовании дела Крестовского?

– Пять человек: следственная бригада особого назначения и я.

– Спецслужбы Федерального Правительства?

– Только то, что им положено знать.

– Значит, председатель Правительства наверняка в курсе.

– Что вы хотите сказать?

– Если Крестовского убили и не пожалели даже его приятелей, то вся следственная бригада под угрозой. Вы тоже.

Джон Ву махнул рукой.

– Мне не привыкать.

– Позаботьтесь о собственной охране. Одного витса мало, нужен «эшелон» прикрытия.

– Хорошо, я приму меры.

– Что вы намерены предпринять?

– Сделаем вид, что нам дело Крестовского неинтересно.

– Это правильно.

– Кроме того, у нас есть возможность послать к Кентавру экспедицию. Тихо и скрытно.

– «Ра»? – понимающе прищурился Воеводин.

Джон Ву ответил таким же понимающим кивком.

«Ра» был новейшим «струнным» космолётом, имеющимся в резерве Службы безопасности. О его существовании знали буквально единицы в руководстве СБ плюс экипаж.

Базировался он на спутнике Урана Умбриэле, причём был замаскирован под сброшенную давным-давно на спутник автоматическую станцию, поэтому даже Погранслужба Солнечной системы не интересовалась им как транспортным средством.

Практика создания резерва на случай возникновения критических ситуаций возникла всего семьдесят лет назад, после Второго Террористического Кризиса, когда впервые в истории человечества образовалась Анархическая Лига. Правительство Земли было уничтожено, и понадобились сверхусилия наиболее развитых государств мира – России, Китая, Индии, Объединённой Кореи и ещё десятка других стран, – чтобы справиться с разгулом терроризма. Лига долгое время диктовала условия человечеству, а её агенты проникли чуть ли не во все властные институты Земли, в том числе в спецслужбы.

«Ра» был не первым и не единственным крейсером космического флота цивилизации, принадлежащим секретному подразделению для отражения возможных атак врагов, как внутренних, так и внешних. В своё время в экспедиции к центру Галактики участвовал спейсер «Индра», а в ликвидации последнего оплота Лиги на Марсе отличился фрегат «Либеро», также входящий в резерв Службы безопасности.

– До шарика в Кентавре пятнадцать тысяч светолет, – сказал Воеводин.

– Семнадцать, – уточнил Джон Ву флегматично. – Даль-

разведчики летали дальше. «Ра» справится. На «струне» ему понадобится всего несколько дней, чтобы достичь Омеги Кентавра. Плюс пара недель на изучение Оси Зла. К моменту запуска Суперструнника он должен вернуться.

– Кто возглавит поход?

– Рудольф Маккена. Надеюсь, вы о нём хорошего мнения?

– Я его мало знаю.

– Он бывший заместитель командора Погранслужбы. Его хорошо знает Барранга.

Воеводин кивнул.

Эль Мата Барранга, афробразилец, возглавлял Службу безопасности до Джона Ву, и его суждения о людях всегда были точны.

– Материалы?

Джон Ву протянул хозяину просиявшую алмазом «чешуйку» флэшки.

– Будьте осторожны, Степан. Если права моя интуиция, мы на пороге контакта, причём не позитивного. Только вы, русские, ещё сохранили драйв и кипение крови, поэтому только вам под силу справиться с нависшей опасностью. Остальные – европейцы, американцы, австралийцы – практически атрофировались как люди действия, они не склонны рисковать, живут как трава на ветру. Но и вам понадобятся независимые оперативники экстра-класса.

– Найдём, – остался спокоен Воеводин.

– Выпить бы чего-нибудь, – вдруг проговорил директор

СБ. Виновато сморщился. – Глоточек виски за удачу.

– Тогда лучше водки. У меня есть «Русский размер».

– Вы, русские, по-прежнему предпочитаете свои напитки.

– Так ведь в них нет никаких вредных примесей в отличие от ваших, чистый алкоголь на природных компонентах плюс особые технологии. Если от ваших текил и виски потом болит голова – жить не хочется, то от наших медовух и водки всё наоборот.

На лице Джона Ву отразилось сомнение.

– Вы случайно не владеете пакетом акций ваших алкогольных компаний? Уж очень активно и со знанием дела рекламируете товар.

Воеводин засмеялся.

– Нет, не владею, к сожалению, просто знаю качество напитка. По глотку?

– Наливайте.

Воеводин открыл в стене дверцу бара, достал вычурной формы бутылку с голографическим высверком названия и марки производителя. Булькнула прозрачная жидкость, заполняя небольшие прямоугольные стаканчики.

Воеводин поднял свой.

– За успех безнадёжного дела?

– Как? – удивился директор СБ.

– Это древняя присказка, передаваемая из поколения в поколение моими предками.

– Тогда за успех.

Они чокнулись. Воеводин опрокинул стаканчик в рот, захрустел орешками.

Джон Ву с колебанием выцедил треть налитого, прислушался к своим ощущениям, одним глотком осушил стаканчик. Помахал рукой у рта. Взял орешки.

– Выстрел в рот!

– Не нравится?

– Почему же, нравится... шариком катится... тепло...

– Потому что никакой химии. Может, ещё?

– Нет, в другой раз. У меня ещё рабочий день только начинается, надо быть в форме. До связи, советник. – Директор подал руку хозяину. – Как там вы говорите? Ни пуха, ни шерсти?

– Ни пуха ни пера.

Джон Ву кивнул и пошёл к двери, явно слегка ослобевший. Русская водка подействовала на него расслабляюще.

Воеводин проводил гостя до ожидавшего у беседки такси, помахал рукой. Жёлтый, сверкающий огнями флайт «Калина» улетел. Воеводин потёр лоб рукой, проговорил задумчиво:

– К чёрту, сэр Джон! Я имею в виду противника.

Флайт влился в световую метель в небе над городом.

Воеводин вернулся в дом, принялся изучать полученные материалы. Неожиданность выхода службы на «структуру контроля», как именовалась ситуация такого рода в давно разработанных инструкциях внешней контрразведки, не пу-

гала. «Сокол» и создавался на случай столкновения человечества с агрессивными видами разума в Галактике. Но масштаб явления всё ещё был скрыт от понимания, и только интуиция нашёптывала, что поступательное движение цивилизации заканчивается. Человечество начало наткаться на владения других разумных существ, не желающих сдавать свои позиции.

Итак, кто вы, господа, оставившие такие страшные и недвусмысленные следы?



## Глава 3

### Разведка

Старт «Ра» с поверхности Умбриэля не был замечен ни одной службой контроля пространства Солнечной системы.

В принципе, за семейством спутников Урана и не было нужды устанавливать постоянное наблюдение, поскольку пять его главных спутников – Ариэль, Умбриэль, Титания, Оберон и Миранда – не представляли особого интереса для астрономов и планетологов, да и изучены были достаточно хорошо. На двух из них – на Ариэле и Титании даже были запущены рудничные комплексы для добычи редкоземельных элементов. Умбриэль же, диаметр которого достигал всего лишь тысячи с небольшим<sup>8</sup> километров, не считался перспективным объектом ни в плане освоения, ни в плане разработки полезных ископаемых. Исследовали его в основном автоматы, да на экваторе в районе Расщелины Красной Ящерицы располагался центр управления всей имеющейся на спутнике исследовательской техникой.

«Ра» тихо исчез с поверхности Умбриэля, оставив на своём месте голографический «мыльный пузырь», изображавший автоматическую станцию, и перешёл в режим «инкогнито», позволявший ему становиться полностью невиди-

---

<sup>8</sup> 1169 км.

мым. Миновав орбиту пятнадцатого спутника Урана – Пака, открытого ещё в конце двадцатого века,<sup>9</sup> корабль остановился, ожидая прибытия на борт экспертов Службы безопасности, специалистов по физике звёзд. Их помощь была необходима для оценки феномена, получившего название Ось Зла, но они этого ещё не знали: экспедиция к Кентавру готовилась в условиях строжайшей секретности.

Эксперты появились точно в назначенное время, мужчина и женщина. Их сопровождал помощник директора Службы безопасности Солнечной системы, непосредственно отвечавший за подготовку похода. Он передал командиру спейсера запечатанный пакет с инструкциями на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, ввёл в курс дела экспертов и дал им время на обдумывание своего решения.

Обдумывание длилось всего несколько минут. Эксперты поговорили друг с другом и согласились войти в состав экипажа «Ра», попросив сообщить о своей непредвиденной командировке родственникам. После этого помощник директора СБ по фамилии Фурсенко попрощался с экипажем и отбыл обратно.

Рудольф Маккена, немногословный и суровый, провёл предполётный контроль функционирования систем корабля, выслушал обыденные ответы членов экипажа «к полёту готов» и мысленно скомандовал инку спейсера по имени Тихий следовать программе.

---

<sup>9</sup> В 1985 году.

«Ра» начал разгон шпугом, то есть перешёл в режим двойного ускорения.

Пользоваться «струной» рекомендовалось не ближе орбиты Нептуна, где ещё не были установлены антенны следящих систем, способных фиксировать изменения гравитационных полей. «Струнный» старт порождал деформацию вакуума и как следствие – гравитационные волны, улавливаемые системами контроля пространства в радиусе орбиты Сатурна.

Голубоватый шар Урана с узкими, но отчётливо видимыми пылевыми кольцами отнесло назад. Мелькнули и исчезли цветные шарики регулярных спутников. Последними пронесли мимо внешние спутники планеты – Просперо и Сеттос, размеры которых не превышали тридцати километров. По сути это были каменные глыбы, усеянные кратерами и трещинами, пойманные Ураном при пролете через скопления астероидов.

Вдали мелькнула искра Большого Уха, как называли астрономы один из телескопов «Сферы». Дальше за орбитой Урана начиналось безбрежное чёрное поле космоса, расцвеченное звёздами, недостижимыми на первый взгляд и далёкими. На самом деле достичь почти любой из них в настоящее время, после того как люди овладели энергией вакуума и «суперструнными» технологиями, не составляло труда. Однако большинство звёзд хотя и имело планеты, интереса для человечества не представляло. Лишь восемь систем в пределах двух сотен парсеков от Солнца имели жизнь, да и то

не разумную. Остальные, как выяснилось, стерильно чисты и безжизненны. Хотя на планетах некоторых из них сохранились странные следы пребывания то ли г о с т е й, то ли давно исчезнувших цивилизаций. Этими планетами с энтузиазмом занимались космоархеологи, хотя похвастаться значимыми успехами не могли.

Жизнь – разумная жизнь – была обнаружена даль-разведчиками Земли всего в трёх местах обследованной части Галактики: возле её ядра, в системе Орилоуха и в Малом Магеллановом Облаке. Но людей туда не пускали. Ясного и чёткого ответа на вопрос «почему?» не знал никто. Возможно, были правы те экзопсихологи, которые утверждали, что человечество являет собой хищнически-агрессивный тип разума, с которым нельзя устанавливать контакты. С другой стороны, было известно, что цивилизации в Магеллане и на планетах Орилоуха являются негуманоидными, а психика негуманоидов, то есть существ, разительно отличающихся от людей, в корне должна была отличаться от психики хомо сапиенс. Они могли просто не признавать в людях носителей разума, равного им.

«Ра» достиг скорости, определяемой приборами почти как скорость света,<sup>10</sup> за две с половиной минуты. В таком состоянии ему предстояло мчаться почти полтора часа, чтобы достичь условной границы – орбиты Нептуна, за которой начиналась «ничья пустота». Экипажу это не нравилось,

---

<sup>10</sup> 300 000 км/с.

так как пересечь Солнечную систему из конца в конец можно было буквально за пару секунд. Но приходилось терпеть. Условия похода запрещали пользоваться «струнным» режимом до момента выхода за пределы Системы.

Впрочем, никто из пяти членов экипажа и двух экспертов не высказался по этому поводу. Все они были уравновешенными, спокойными, сильными и уверенными в себе людьми, успевшими побывать во многих переделках, и умели терпеть и работать в любых предлагаемых условиях.

В два часа двенадцать минут по среднесолнечному времени наступил долгожданный «момент истины». Объяснять суть похода никому не требовалось, и Рудольф Маккена произнёс всего лишь одно слово:

– Поехали!

– Есть! – отозвался Тихий, включая системы «струнного» преобразования вакуума, а вместе с ним – и самого спейсера.

Глаза членов экипажа перестали что-либо видеть. Вместе с атомами и элементарными частицами, из которых состояли их тела, люди превратились в «пакет суперструн», пронзивший космос от Солнечной системы до точки первого калибровочного выхода в «нормальное» пространство.

Прыжок длился не больше одной сотой секунды, но люди приходили в себя несколько минут, опекаемые автоматикой быстрого реколлапса.

– Сто семьдесят парсеков, – мягким баритоном прогово-

рил Тихий. – Прошли Хадар.<sup>11</sup> Системы корабля в норме. Внешний фон в пределах допустимых отклонений.

– Экипаж? – поинтересовался Маккена, больше обращаясь к пассажирам, нежели к своим подчинённым.

Все дружно ответили:

– В норме!

– Всё хорошо, – добавила эксперт Роза Линдсей.

Второй эксперт Марч Кремень промолчал.

Оба эксперта находились в пассажирском кокон-отсеке, способном при необходимости вместить двадцать с лишним человек. Пока спейсер двигался в штатном режиме, за них можно было не беспокоиться.

– Поворот на цель, – скомандовал Маккена.

– Готов, – доложил Тихий.

– Штрихпунктир с шагом пятьсот.

– Принял.

Это означало, что корабль должен был двигаться прыжками длиной в пятьсот парсеков. Такой режим нельзя было назвать приятным, переход на «струну» и обратно требовал от экипажа хорошей физической и психической закалки, но Маккена просто соблюдал пункт полётной инструкции под названием СРАМ – сведение риска к абсолютному минимуму. Полученное задание вполне укладывалось в этот пункт, хотя корабли даль-разведки ходили по космосу ещё более мелкими шажками. Но Маккена знал, когда можно и

---

<sup>11</sup> Хадар – Бэта Кентавра, переменная звезда.

нужно рисковать.

Из очередного «струнного» прыжка «Ра» вышел через две секунды, приблизившись к цели похода – шаровому звёздному скоплению Омега Кентавра – на пятьсот парсеков.

Тихий провёл контроль функционирования корабля, экипаж доложил о готовности лететь дальше, и «Ра» начал следующий прыжок.

На пятом переходе Маккена объявил суточный отдых.

Спейсер углубился в пространство созвездия Кентавра на восемь с небольшим тысяч световых лет, а это был уже серьёзный отрезок пути до цели, и СРАМ-инструкция требовала основательной проверки жизнедеятельности корабля и изучения внешних параметров среды.

Два часа люди спали, отдыхая от встрясок «струнного штрих-хода». Каждый прыжок гасил сознание, и приходиться в себя становилось всё труднее.

Однако никто не жаловался на плохое самочувствие, современные технологии позволяли не обращать внимания на такие мелочи. В прошлом пересекать космическую «пустоту» было во много раз тяжелее, и члены экипажа вскоре собрались в небольшой кают-компании корабля на ланч. К ним присоединились эксперты, все перезнакомились. Штатных «юмористов» в составе экипажа не случилось, но место шутке нашлось: драйвер-прима спейсера Вацлав Хржичка уснул прямо за столом. Так что разошлись члены экипажа по рабочим местам с хорошим настроением.

Сутки «Ра» слепо мчался вперёд с достигнутой в Солнечной системе скоростью, напоминая луч света. Затем превратился в «струну» и достиг очередной калибровочной точки вблизи небольшой красной звёздочки, имеющей только порядковый номер и удалённой от Солнца на девять тысяч двести десять световых лет.

Задерживаться здесь не стали.

Все системы космолёта работали прекрасно, экипаж чувствовал себя нормально, пустота вокруг спейсера ничего интересного или опасного не обещала, и делать было нечего.

Прыгнули ещё на пятьсот парсеков, затем ещё на пятьсот.

И тут тихо сомлела в своём защитном коконе эксперт Роза Линдсей.

Тихий отреагировал оперативно: подключил к кокон-отсеку медицинский комбайн, запросил у командира инструкции, и Маккена вынужден был задержать очередной «струнный» прыжок.

К счастью, ничего серьёзного инк-медик корабля у Розы не обнаружил: открылась лёгкая сердечная недостаточность, о чём сама Роза и не подозревала. Но корабль задержался на маршруте полёта в режиме «светового луча» ещё на двенадцать часов.

За это время экипаж выспался, медицинский комбайн корабля поддержал тонус Розы, рекомендовав «покой и сон», и Рудольф Маккена отдал приказ Тихому следовать прежним курсом.



Теперь останавливались после каждого прыжка и тщательно обследовали пассажиров. Обмороков у Розы Линдсей больше не случилось, но, судя по докладам диагноста, нагрузка полёта ей была противопоказана. Однако «Ра» преодолел уже больше половины пути до Омеги Кентавра, и Маккена принял решение достичь цели одним длинным прыжком длиной в полторы тысячи парсеков.

Экипаж ему не возражал.

Всем тоже порядком надоело получать «удары дубиной струны по голове», несмотря на все ухищрения защитной автоматики.

Спустя неделю после старта с Земли «Ра» начал свой последний прыжок и достиг окраины шарового звёздного скопления на двое суток раньше намеченного срока.

Когда члены экипажа и эксперты пришли в себя, они увидели впереди великолепнейшее зрелище: миллионы звёзд, в основном оранжевых и красных, заполняли всю переднюю полусферу виома, образуя колоссальной величины – и безумной красоты – шар!

\* \* \*

Двое с половиной суток корабль мчался к скоплению в режиме «светового луча».

Эксперты, вооружённые современными комплексами для наблюдения за космосом, изучали скопление и выверяли по-

лученные на Земле данные. Экипаж, привыкший к иным нагрузкам и ритму жизни, скучал, не зная, чем себя занять. Рудольф Маккена сообразил, что расслабленность экипажа может сыграть с ним плохую шутку, и приказал провести учение «с нападением инопланетян на спейсер».

Учение прошло блестяще. «Пришельцы» были взяты в плен, и повеселевший экипаж устроил вечеринку, где позволил себе небольшой концерт: пели все, даже не имевший голоса драйвер-прима Вацлав Хржичка.

Наконец эксперты закончили расчёты, и Тихий с их помощью воспроизвёл в виоме панораму части скопления, где располагалась красная звезда-гигант класса М3 Кентавр-2007.

«Ра» подошёл к скоплению таким образом, что виднелись, хотя и под острым углом, и другие звёзды Оси Зла. Однако, по расчётам, их оказалось не девяносто девять, а меньше. Правда, точность инструментальной базы корабля была всё-таки ниже разрешающей способности «Сферы», поэтому полагались на то, что остальные звёзды просто не видны. Тем не менее гипотеза Крестовского подтвердилась. Шокированный этим экипаж «Ра» долго любовался Осью Зла, а Рудольф Маккена даже поучаствовал в дискуссии с экспертами, утверждавшими, что вероятность подобной группировки звёзд – на идеальной прямой – не равна нулю. По мнению командира корабля, да и всего экипажа в целом, без малого сотня звёзд не могла улечься на одной линии без помощи

каких-то могучих сил. Естественно, разумных.

– Мы ещё далеко от Оси, – сказал драйвер-секунда спейсера Вячеслав Терёшин. – Надо подойти ближе.

– Это ещё как минимум пять-шесть мелких прыжков, – заметил инконики «Ра» Митрофан Успенский. – Эксперты выдержат?

Все посмотрели на командира; совещание проходило в кают-компании, без пассажиров, которые были увлечены своей работой в кокон-отсеке.

– Через час – старт, – поднялся Маккена. – Митя, посчитайте с Тихим курс таким образом, чтобы мы вышли над Осю в пяти парсеках, не дальше.

– Без проблем, капитан, – сказал красноволосый по последней моде Успенский; он был молод, подвижен, динамичен, амбициозен и любил тусоваться на Земле в молодёжных компаниях. Что не мешало ему быть одновременно и классным специалистом в области нанокomпьютерных технологий.

Члены экипажа разбежались по кокон-креслам.

Маккена запросил отсек пассажиров:

– Роза, ваше самочувствие оставляет желать лучшего. Но нам необходимо подойти к Оси поближе. Выдержите?

– Делайте своё дело, капитан, – рассеянно отозвалась Роза Линдсей. – Вы прекрасно знаете, что задание должно быть выполнено при любых обстоятельствах.

– Тихий, – перешёл на личную связь Маккена, – поддержи

женщину, чем можешь. Она права, у нас нет выбора.

– Я контролирую её состояние, – ответил инк, – но не гарантирую благополучного исхода. Каждый переход на «струну» вызывает у неё анафилактический шок, из которого всё труднее выходить. Я бы вообще посоветовал вернуться.

– Возвращаться надо было раньше. Сколько она сможет продержаться?

– Трудно сказать. С вероятностью пятьдесят – четыре-пять переходов.

– А потом? Летальный исход, что ли?

– Нет, скорее всего кома. Возможно, придётся прибегнуть к глубокой гибернации.

– Понял. Митя, идём к Оси не мелкими шажками, а крупными. Нам нужен один-два перехода.

– Принято, рассчитываю, – доложил Успенский.

Через час «Ра» прыгнул вперёд, углубляясь в сверкающий звёздами «мешок» Омеги Кентавра.

\* \* \*

Их со всех сторон окружали звёзды.

Звёзд было так много, что смотреть на них без светофильтров не представлялось возможным. Лишь благодаря видеосистемам спейсера экипаж мог любоваться необозримым сверкающим звёздным полем без ущерба для зрения. Однако больше всего космолётчиков интересовала странная кон-

струкция под названием Ось Зла, полное количество звёзд в которой достигло ста одиннадцати.

– Бог ты мой! – выдохнул с некоторым страхом драйвер-секунда Терёшин. – Сто одиннадцать! На чём они держатся?! Кто их привязал друг к другу?!

На этот вопрос не могли дать ответ даже эксперты. Однако факт оставался фактом: сто одиннадцать красных гигантских звёзд, чей диаметр достигал орбиты Венеры в Солнечной системе, расположись они на месте Солнца, держались одна возле другой как прибитые гвоздями на расстоянии всего в пять астрономических единиц. То есть – недопустимо близко! Но главное – они действительно располагались на одной прямой, будто связанные в одну цепь или нанизанные на какую-то невидимую спицу. Точнее, с расстояния в пять парсеков «спица» была не видна. Возможно, её не существовало вовсе.

– Менто на Землю, – сказал Маккена, имея в виду канал «струнной» связи с базой СБ на Земле.

– Буду готов через пару минут, – откликнулся Тихий. – Что доложить?

– Мы обнаружили Ось Зла, количество звёзд – сто одиннадцать. Начинаем программу.

– Мы идём туда?

– Станный вопрос.

– Я к тому, что процент риска при полёте к скоплению возрастает до двадцати семи.

Маккена озадаченно почесал бровь.

– Почему так много?

– Динамика звёзд в скоплении не подчиняется распределению Вольфа-Райе, отмечаю вихревые «струи» гравитационных полей.

– Что это означает?

– В скоплении идёт перестройка внешних слоёв с какой-то целевой направленностью.

– Чушь! Целевая направленность предполагает наличие разработчика.

– Значит, этот разработчик существует. Тенденция движения звёзд именно такова, и процесс этот длится уже не одну тысячу лет.

– В таком случае почему Ось Зла не подчиняется этому процессу?

– Я оперирую фактами.

– Понятно. Похоже, мы имеем возможность получить отворот поворот.

– Извините, не понял.

– Первые экспедиции к ядру нашей Галактики были развёрнуты и не пропущены в радиусе ста пятидесяти парсеков.

– Комментарии – бремя человека, – с неожиданной иронией сказал Тихий. – Я всего лишь инк.

– Ладно, посмотрим. – Маккена включил интерком. – Господа космолётчики, прогноз местной погоды не слишком благоприятен, возможны сюрпризы, поэтому всем глядеть в

оба и быть готовыми.

– К чему? – осведомился Успенский.

– Ко всему! – отрезал Маккена. – Тихий, вперёд!

«Ра» послушно нырнул в «узкое горло струны».

Пять парсеков, или шестнадцать и три десятых световых года, препятствием для спейсера такого класса не являлись. Уже через секунду корабль вышел к Оси Зла, и люди смогли увидеть ее звёзды «с высоты» трёх астрономических единиц.

Сначала ничего интересного никто не отметил.

Огромные багровые звёзды классов К и М слева и справа, принадлежащие Оси, расположенные точно в полутора миллиардах километров друг от друга, казались ничем не отличимыми от соседей, принадлежащих общему шару скопления. Затем Тихий, вооружённый системами наблюдения и обладавший великолепной реакцией, обнаружил некий объект и выдал его изображение на переднюю полусферу обзорного виома. И тогда космолётчики увидели «с п и – ц у», соединявшую звёзды Оси.

Выглядела она как ажурная ферма, имеющая в сечении фигуру, напоминавшую снежинку, а диаметр этой «снежинки» достигал двенадцати тысяч километров. То есть был почти равен диаметру Земли.

– Мать честная! – ахнул кто-то из членов экипажа. – Ферма! Не сгорит! Она же их... соединяет!

– Тихий, экспресс-анализ, – бросил Маккена, ошеломлённый увиденным не меньше остальных, но не забывший о сво-

их командирских обязанностях.

– Минутку, – сказал инк. – Подождите... не понимаю...

– В чём дело?

– Не могу определить материал объекта... ни одной знаковой конфигурации... Во всяком случае, спектр этой фермы не поддаётся никакому объяснению. Что-то похожее на мезонное излучение.

– Силовое поле? – предположил Успенский. – Иначе трудно объяснить, почему ферма не сгорает, входя в звёзды.

– Эксперты, ваше мнение?

– Выводы пока делать рано, – отозвался коллега Розы, который держался так тихо и неприметно, что его как бы и не было на борту спейсера.

– Может быть, это какой-то экзотический вид материи? – хмыкнул Вацлав Хржичка. – Конгломераты частиц типа тех же мезонов или вообще монополей.

– Не говорите глупостей! – отрезала Роза Линдсей. – Рудольф, надо подойти ближе к ферме, будем изучать феномен по полной программе.

– Тихий, – окликнул Маккена, – курс на ферму. Менто на базу: обнаружили Ось.

«Ра» двинулся к соединявшей звёзды «спице» в режиме «светового луча».

Ему понадобилось всего сорок минут, чтобы приблизиться к «спице» на расстояние в десять тысяч километров. Сработал преобразователь инерции хода. Корабль остановился.



Если бы не сияние звёзд скопления, «спица» была бы видна невооружённым глазом, но лишь с помощью особых настроек систем обзора люди увидели её «вблизи»: длинная ажурная «штанга» уходила влево и вправо, исчезая в недрах двух ближайших звёзд. Протуберанцы, обвивающие концы «штанги», никак на неё не влияли. На их фоне она так и оставалась чёрной, будто обладала нулевой теплопроводностью.

Тихий дал увеличение. Стал виден ближайший участок фермы: сложная вязь правильных геометрических фигур, вдоль которых то и дело проскальзывали, завиваясь, голубые змейки молний.

Космолётчики некоторое время молча разглядывали гигантскую ферму, понимая, что это искусственное сооружение, созданное с помощью недоступных землянам технологий.

# Глава 4

## Не было печали

Округлая гора Юпитера, нависающая, казалось, над головой, мешала заниматься делом. Но Руслан, относившийся к своим обязанностям спасателя с предельной ответственностью, не обращал на эту гору никакого внимания. Он работал.

Сигнал бедствия поступил в Центр управления АЧС<sup>12</sup> в шесть часов по среднесолнечному времени, а уже через две минуты модуль спасателей мчался к спутнику Юпитера Европе, где под лёд провалилась экспедиция самодеятельных «контактёров», любителей острых ощущений, получивших разрешение на короткое посещение спутника.

Руслан Горюнов – тридцать лет, светло-русые волосы по плечи, светло-серые глаза, упрямый подбородок – был в экипаже модуля самым опытным спасателем. На его счету имелось более двухсот вылетов по вызовам СОС-сети и около полусотни спасённых жизней. Кроме него в состав отряда входили ещё пять спасателей, в основном молодые парни и одна девушка, не уступавшая им по физическим кондициям. Они тоже были опытными космонавтами, участвовали в СОС-экспедициях и легко ориентировались в любой обстановке.

---

<sup>12</sup> АЧС – Агентство по чрезвычайным ситуациям.

Европа, один из галилеевых спутников Юпитера, давно привлекала исследователей и будоражила умы учёных своими характеристиками. Вся она была покрыта слоем водяного льда толщиной от десяти до пятнадцати километров, имела «печку» – горячее ядро, и потому температура воды под льдом достигала плюс двенадцати – двадцати пяти градусов Цельсия. Мало того, на её поверхности были обнаружены остатки «трубопроводной сети» – странные системы из ледяных же «гофрированных труб» диаметром до сотен метров, которые сразу позволили психокосмологам заявить об открытии «следов разумной цивилизации».

Однако, кроме «трубопроводного» рельефа, обнаружить другие следы разумной деятельности на поверхности Европы не удалось, и тогда исследователи полезли вниз, в океан планеты, надеясь встретить там «братьев по разуму».

Длилась эта исследовательская экспансия почти двести лет.

Планетологи бурили скважины, работники Института внеземных коммуникаций рыли котлованы и прокладывали шахты. Всего было пробито около сотни шахт, не считая скважин, и человек наконец проник в тёплый океан Европы, вооружённый современными технологиями контакта с внеземным разумом. Но его ждало жестокое разочарование. Несмотря на открытие ряда необычных регулярных структур на дне океана в его толще, разумными их строители не были. Скорее они напоминали коллективных существ типа

земных насекомых: муравьёв, ос и пчёл, — только морских.

Конечно, это всё равно было великое открытие: впервые человек кроме бактерий — как на Марсе и в облаках Венеры — обнаружил биологическую жизнь сродни земной. Однако коммуникаторы жаждали встретить «настоящих» братьев по разуму и вот уже на протяжении десятков лет пытались найти на Европе пусть не современников, то хотя бы следы «древних разумников», продолжая бороздить океан Европы, изучать «трубопроводы» и «регулярные фракталоподобные структуры».

Естественно, энтузиастов «контактов с иноразумом» хватало. Не всегда они приносили пользу, чаще возвращались домой разочарованные и больше не помышляли об экспедициях на Европу. Но попадались и упорные люди, не обращавшие внимания на реальную опасность прокладки маршрутов в суровых космических условиях. Одна из групп таких любителей-космоархеологов и попала в западню на плато Зелёного Змия, когда рядом вдруг заработал водяной вулкан. Группу в составе четырёх человек — двое мужчин, две женщины — увлекло в трещину, откуда они не смогли выбраться самостоятельно.

Пока модуль мчался от юпитерианского портала метро к Европе, Руслан выслушал всю доступную информацию по вызову, в том числе — данные по самой Европе.

Открыл Европу ещё Галилео Галилей, наравне с тремя другими спутниками: Ио, Ганимедом и Каллисто. Её диа-

метр равнялся трём тысячам ста тридцати километрам, то есть по сути она была чуть меньше земной Луны. Из-за того что поверхность Европы представляла собой сплошное ледяное поле, покрытое глобальной сетью трещин, её альбедо превышало альбедо других галилеевых спутников и – намного – спутников других планет Солнечной системы. Сила тяжести на поверхности Европы была в семь раз меньше земной. Атмосферы она практически не имела. Те слабые следы газов от водорода до кислорода и пары воды назвать атмосферой было трудно.

Модуль, идущий в режиме двойного ускорения, миновал газопылевое кольцо Юпитера, спикировал к Европе и резко затормозил над районом, из которого был получен сигнал бедствия.

Руслан мельком взглянул на гору Юпитера (пейзаж был великолепен!) и сказал только одно слово:

– Начали!

Плато Зелёного Змия было похоже на след упавшего миллионы лет назад на Европу астероида. В его центре располагалась пологая ледяная гора, окружённая кольцом трещин, а чуть дальше, в радиусе полусотни километров, плато охватывало второе кольцо зеленоватого цвета – гофрированный «трубопровод», наполовину утонувший во льду и проломленный во многих местах упавшими когда-то метеоритами помельче.

Группа «космоархеологов» изучала самую сохранившуюся-

ся часть ледяной «трубы» длиной около пятнадцати километров. С высоты она действительно напоминала змея или, скорее, червя диаметром около сотни метров, кому что вообразалось, но спасателям этот «змей» больше напоминал гофрированный шланг, покрытый льдом, инеем и тысячелетней пылью. Глядя на этот «шланг» с высоты, легко можно было поверить, что он является делом рук (или лап) существ, некогда населявших Европу.

Однако добровольным исследователям «змея» не повезло.

Совсем рядом с лагерем экспедиции неожиданно проснулся водяной подлёдный вулкан и накрыл палатки лагеря, флайт и модуль с научным оборудованием струёй горячей – по сравнению с температурой поверхности (минус двести пятьдесят шесть градусов по Цельсию) – воды и пара.

В принципе, всё бы обошлось, если бы при извержении не произошла подвижка льда.

«Трубу» разорвала трещина, поток воды увлёк за собой палатку со спящими в этот момент людьми и вклинил в трещину на глубину полутора километров. А поскольку вода тут же замёрзла, палатка с людьми оказалась вмороженной в лёд, как муравей – в каплю янтаря. Выбраться самостоятельно туристы не смогли. Хорошо ещё, что смогли послать сигнал СОС. Однако подвижка льда продолжалась, трещина закрылась и сжала палатку с горе-исследователями так сильно, что не выдержала силовая защита. Палатку – модуль клас-

са «Тур-44» – сплющило, и теперь лишь второй защитный контур – аварийного обеспечения, «стакан», как называли его космены, – ещё кое-как сдерживал нарастающее давление льда.

Группа Горюнова начала действовать без промедления. «Космоархеологи», или «экзологи», как они себя гордо называли, уже не подавали признаков жизни. Ни на один вызов никто из них не ответил. Но Руслан почему-то был уверен, что ещё не всё потеряно.

Спасательный модуль завис над свежей трещиной в молочно-белом поле, казавшейся заполненной непрозрачным материалом, а не водой. Свет прожектора, осветившего край трещины с пластинчатыми – в виде блинов – наплывами льда, там, где вырвалась на поверхность струя воды, пронзил трещину, и стало видно, что это тоже лёд, но чистый, не успевший «засахариться», то есть покрыться изморозью и пылью.

Инк модуля проанализировал поступившую от бортовых датчиков информацию, дал рекомендации по бурению: был виден жёлтый бок палатки на глубине полутора километров и ещё две детали, отличавшиеся цветом. Это виднелись две другие палатки – исследовательский модуль и хозблок.

– Шахта, диаметр – полметра, тубинг-крепёж, – бросил Руслан. – Реаниматор, киб, зонды.

Никто ему не ответил, все и так знали свои обязанности. Но уже через две минуты стало понятно, что своими си-

лами спасателям не справиться. Мощности плазменных излучателей не хватало для выплавления во льду шахты глубиной полтора километра. Мало того, не хватило бы и скоб для крепления ствола шахты, которые не дали бы её ледяным стенкам сомкнуться.

Наметив точку установки плазмогенератора и выгрузив всё необходимое оборудование на лёд, спасатели в прозрачных «кокосах»<sup>13</sup> посмотрели на командира.

– Нужен грузолёт с тубингами!

– Неизвестно, сколько у нас времени. Они молчат. К тому же грузолёт вряд ли прибудет раньше чем через час.

– Может быть, лёд выдержит?

– Прогноз – один к двадцати. Гейзер до сих пор «дышит».

Словно в ответ на слова Горюнова в сотне метров от спасателей из-под льда вырвалась вверх струя пара. Лёд задрожал. Все посмотрели на гейзер, потом на командира.

– Давайте прокладывать шахту, – проворчал помощник-прима Горюнова Виссарион. – Всё равно у нас нет другого выхода.

– Есть.

Спасатели замолчали.

– Командир, – начал Виссарион с сомнением в голосе. – Мы теряем...

– «Шпулька».

Спасатели переглянулись.

---

<sup>13</sup> «Кокос» – компенсационный костюм спасателя.



«Шпулькой» космены называли генератор преобразования вакуума, создающий «струну» в пространстве.

– Но у нас нет «голой шпульки»... – с тем же сомнением проговорил Виссарион.

– В модуле! Игорёк рассчитает внешний импульс, и мы пробьём дырку до самой палатки.

– «Шпулька» пробьёт насквозь всю Европу. Если только Игорёк не сможет изменить её параметры.

– Игорёк, нужен расчёт внешней «струны». Сколько тебе понадобится времени?

– Я уже начал, – сообщил инк. – Расчёт не сложен, подождите немного.

– И всё же я бы не рискнул, – пробормотал Виссарион. – А если мы заденем палатку?

– У тебя есть другое предложение?

– Ждать грузолёт...

– Потеряем время... и людей, может быть.

Виссарион отвернулся.

Выбора у них действительно не было.

Игорёк закончил расчёт параметров внешнего импульса за три минуты.

Модуль подвели к расщелине, заполненной прозрачным до невидимости льдом, тщательно сориентировали.

– Я пойду один, – сказал Руслан. – Возьму только санитарный киб. Отставить возражения! Как только «струна» проделает во льду канал, вводите модуль. И ждите, пока я не

вернись. Вопросы?

– Это неправильно, – тихо проговорила Маша Резник, единственная девушка в спасотряде, бывшая гимнастка, черноглазая, невысокая, гибкая, как змейка. – Один ты не справишься.

– Нет смысла рисковать всем, – отрезал Руслан. – Если шахта не схлопнется, я их вытащу.

– Может быть, посоветуемся всё-таки с базой? – нерешительно предложил Виссарион.

Руслан усмехнулся.

– Ты сегодня удивительно дипломатичен. По местам!

Он встал рядом с кибом – двухметровой «черепашкой» с медицинским оборудованием, махнул рукой:

– Эндрю, давай!

– Игорёк, импульс! – скомандовал пилот модуля.

Инк включил «шпильку», и под носом вертикально зависшего надо льдом модуля возник тусклый серый луч диаметром около трёх метров, тут же сжавшийся в невидимую нить. И в свежем льду трещины образовалась дыра неведомой глубины. Все материальные образования, что находились на трассе разряда: молекулы льда, атомы и даже элементарные частицы, – «свернулись» в тончайшие полевые «нити», которые мгновенно растворились в вакууме. А в ледяном плато Европы образовалась идеальной формы круглая шахта, пробившая слой льда, океан планеты, её мантию и ядро. Правда, этого люди не увидели. Лишь позже стало из-

вестно, что канал, пробитый «шпульткой» модуля, действительно едва не про ткнул всю Европу.

Никакой радиации в «струнной шахте» не обнаружилось, и Руслан нырнул в неё как в воду, крикнув инку кибя:

– За мной!

Киб послушно последовал за командиром группы.

Возможно, ему повезло. Возможно, стены трещины временно перестали сближаться. Но Горюнов прорвался к палатке с «экзологами», опустившись на полуторакилометровую глубину всего за сорок секунд.

Игорёк не подкачал. Его расчёт канала был исключительно точен, как и выстрел из «шпультки». Руслану пришлось пробивать лёд до палатки всего лишь двадцатисантиметровой толщины.

Ручной плазмер справился с этим без проблем, проплавив нишу, в которую легко проникли человек и киб. Остальное было делом техники, если не считать психологическое состояние попавших в бедственное положение людей и дикую спешку: стены созданной во льду шахты начали трещать, поддаваясь давлению огромных ледяных масс.

Но всё обошлось.

В ледяном плену «экзологи» находились чуть больше двух часов и не успели ощутить всю прелесть клаустрофобии,<sup>14</sup> хотя и пережили опустошающее чувство бессилия и страха.

---

<sup>14</sup> Клаусторофобия – боязнь замкнутого пространства.

Руслан разрезал стенку палатки с помощью неймса,<sup>15</sup> вытащил первого неудачливого исследователя, второго. Женщины вылезли сами. Киб подхватил всех четверых, мало соображающих, что происходит, прижал манипуляторами к платформе и поспешил наверх, к почти невидимому кружочку устья шахты. Руслан последовал за ним, отмечая боковым зрением появляющиеся сколы на стенках шахты и трещины.

Подъём занял две минуты.

Киб с грузом поплававком выскочил из шахты, за ним в клубе морозной пыли вылетел Горюнов. В следующее мгновение шахта сжалась в плоскость, исторгнув струю ледяного крошева и пара. По прозрачному слою трещины прошло колебание, породив во льду множество мелких разломов. Лёд стал выглядеть как сахарная масса. В ста метрах от этого места снова заработал гейзер, едва не окатив струёй воды спасательный модуль. Но дело было уже сделано. Спасённым ничего больше не грозило.

– Ну, ты даёшь, командир! – проворчал Виссарион, поёжившись. – Ещё чуть-чуть – и вас бы раскатало в ноль!

– Чуть-чуть не считается, – беспечно махнул рукой довольный Руслан. – В медотсек их. Маша, займись реабилитацией.

Пострадавших перегрузили в модуль, спасатели заняли свои места, Руслан дал команду возвращаться. И только заняв своё командирское кокон-кресло, он вдруг почувство-

---

<sup>15</sup> Неймс – нейтрализатор межмолекулярных связей.

вал дрожь в коленях и облился холодным потом. Он и в самом деле был на волосок от гибели! Ему просто повезло, что шахта сжалась после выхода группы. Их могло зажать всех, и тогда никто не успел бы прийти на помощь.

«Впрочем, как известно, победителей не судят!» – слабо попытался оправдаться Руслан перед самим собой.

«Ага, как же», – ответил он этому робкому голоску.

Модуль вонзился в чёрное небо Европы, наполовину загороженное пухлой голубовато-жемчужной горой Юпитера.

Внутренний голос оказался прав.

«Разбор полётов», то есть оценка спасательного рейда, прошёл совсем не так, как рассчитывал Горюнов.

Да, его признали героем, отметили нестандартный подход к решению проблемы... и забраковали исполнение, сославшись на игнорирование пункта СРАМ-инструкции службы: «Сведение риска к абсолютному минимуму». Вывод комиссии был однозначен: Горюнов должен был вызвать грузолёт и только после этого начинать операцию по спасению попавших в беду людей. Рисковать ими – не собой! – он не имел права.

– Месяц отдыха, – сказал ему начальник Централа АЧС внешних планет. – И хорошенько подумай, стоит ли потом возвращаться в агентство. Может, поискать другую работу?

– Я не считаю себя виноватым, – сжал зубы расстроенный таким поворотом дела Руслан.

– Вот поэтому тебе и даётся возможность оценить свои

действия и разобраться в принципах службы. Риск риску рознь. Понял?

– Нет.

– Иди, Горюнов. Надеюсь, ты доверишься нашим психологам. Они вообще рекомендовали тебя уволить. Я посчитал возможным с окончательным решением подождать.

– Благодарю.

– Не за что. Будь здоров.

Руслан пожал протянутую руку и вышел из кабинета начальника, размышляя, что же делать дальше.

Однако долго находиться наедине со своими мыслями ему не дали.

В отсеке метро, расположенного на спутнике Марса Деймосе, к нему подошёл кряжистый, крупнотелый, с седыми висками мужчина в тёмно-синем унике космона, без знаков различия.

– Добрый день, господин Горюнов. Моя фамилия Воеводин. Есть разговор. Предлагаю найти тихое местечко и выпить по чашечке горячего шоколада. Не возражаете?

– Я вас не знаю, – озадаченно сказал Руслан.

– Это не важно. Зато я вас знаю. И у меня к вам деловое предложение.

– Хорошо, идёмте, – согласился Руслан, поддаваясь уверенности и тону незнакомца. – Можно посидеть здесь, в кафе...

– Лучше там, где нас мало кто знает.

Воеводин подошёл к кабине метро, сделал приглашающий жест.

Руслан вошёл.

Воеводин набрал на панели задатчика маршрут, и дверь закрылась.

Мигнули светильники. Ударило в ноги. Перехватило дыхание. Сознание померкло и тут же восстановилось.

Воеводин вышел первым.

Руслан шагнул за ним и с интересом вгляделся в пейзаж за прозрачными стенами полусферы, венчавшей пирамидальную гору в ряду таких же остроконечных скал и гор.

Чёрное небо с крупными немигающими звёздами. Одна из них крупнее остальных. Слабое сияние по горизонту. А точно в зените – серая, с голубоватыми и белыми вихриками, круглая т е н ь. Вроде бы планета, а вроде бы и нет.

Пейзаж был явно неземным, хотя сила тяжести под куполом практически от земной не отличалась. Лишь понасиловав память, Руслан сообразил, что неизвестный наблюдательный пункт находится на спутнике Нептуна Нереиде.

– Здесь у нас база, – сказал посматривающий на него Воеводин.

– У кого – у нас? – пробормотал Руслан.

– Я – командир особого отряда «Сокол» Управления внешней контрразведки Службы безопасности.

Руслан изумлённо вскинул брови.

Собеседник приглашающе повёл рукой:

– Давайте спустимся в мои апартаменты. Там никто нам не помешает.

Круглая площадочка безынерционного лифта унесла их в глубины станции.

Апартаменты командира неведомого Руслану «Сокола» оказались ничем не примечательными. Обычный рабочий модуль, называемый по старинке кабинетом, каких полно в любом учреждении. Обычный интерьер, встроенная в стены аппаратура сопровождения и доставки. Единственное, чем он отличался от таких же кабинетов, было мозаичное панно ручной работы из кусочков голографического стекла на стене помещения, под разными углами зрения смотревшееся по-разному. То это был портрет какого-то старца, то природный пейзаж, то урбанистическая панорама с жилыми башнями.

– Моя племянница делает, – заметил взгляд гостя Воеводин. – Закончила архитектурный, работает дизайнером в одной фирме, но для себя занимается фрисмайлом. Эту композицию она подарила мне.

– Необычная вещь... первый раз вижу такое... разнообразие.

– Присаживайся, разговор предстоит долгий. Горячий шоколад? Или предпочитаешь современные напитки? Глинт? Энио? Лунный мёд? Синкола?

Переход на «ты» Руслана несколько не покоробил, так



естественно это у Воеводина получилось.

– Благодарю, я буду то же, что и вы.

– Тогда японский чай.

Воеводин кивнул, и в кабинете появился парящий в воздухе поднос, на котором дымились чашки с горячим зеленоватым напитком.

Руслан сел в предложенное кресло, взял чашку.

Стены кабинета превратились в панорамный виом с видом на огненное горнило Солнца, наблюдаемого с поверхности Меркурия. Но Воеводин убрал меркурианский пейзаж, и хозяина с гостем окружил вполне земной лес средних широт, начинавшийся на берегу ручья.

– Я знаю, что тебя отстранили от работы, причём справедливо.

Руслан сделал глоток, отвёл глаза.

– СРАМ-инструкция в таких условиях неприменима. Ожидание было не менее рискованным мероприятием. Любая подвижка льда могла окончательно раздавить палатку.

– Согласен. Хотя доказать это невозможно. СРАМ же доказал свою обоснованность в тысячах случаев. Но я не об этом. Несмотря на очевидные выводы комиссии, я хочу предложить тебе другую работу.

Руслан с недоверием посмотрел на Воеводина:

– Вы серьёзно?

– Нам нужен человек, о связи которого со спецслужбами ничего не знает ни статистическое управление, ни социнсти-

туты, ни даже Служба безопасности.

– Вы предлагаете мне работать... в контрразведке?!

– Учись не задавать лишних вопросов. Если ты согласен, я введу тебя в курс дела.

– Прямо сейчас? Сразу?! – Ошеломлённый Руслан залпом допил чай, не ощущая его вкуса. – Но я ведь только спасатель.

– У тебя неплохая подготовка, – небрежно отмахнулся Воеводин. – Я ознакомился с твоим досье. Остальное получишь по мере необходимости. Поскольку у меня мало времени, лучше, если мы начнём работать, не откладывая в долгий ящик.

– Хорошо, я готов... только что я скажу начальству?

– С твоим начальством разберутся другие люди. Положишь на стол Теренсу заявление об уходе, этого будет достаточно. У нас дисциплина военная, предупреждаю сразу, хотя работа творческая. Но ты быстро привыкнешь. Спасатели тоже дисциплинированные люди... в большинстве случаев. О звании и должности поговорим отдельно. Не обидим. Единственная неприятная процедура – имплант пси-защиты. Он поможет отбить любую гипноатаку.

– Меня будут... атаковать? Кто?

– Все, кто будет в этом заинтересован, – усмехнулся Воеводин. – А такие найдутся. Теперь непосредственно о деле. Что ты знаешь о Суперструннике?

Руслан удивился вопросу, но постарался выглядеть до-

стойно.

– О Суперклиз... э-э... ну, я особенно не интересовался... это суперструнный генератор для исследования квантовой гравитации... Строится между орбитами Земли и Марса...

– Всё?

– Он является самым большим из всех генераторов пробоя вакуума. Его длина, кажется, около двадцати тысяч километров.

– Цель постройки?

– Ну, я же сказал – исследование свойств гравитации...

– Позволю себе уточнить. Все ускорители элементарных частиц, которые были построены до нынешнего времени, принципиально не могли перешагнуть порог энергий до десяти в шестнадцатой степени тераэлектронвольт. А это именно тот порог, который может открыть нашим учёным тайны сингулярности, если тебе это о чём-то говорит. Ну, или тайны рождения Вселенной.

– Я как-то не...

– Вот почему был рассчитан абсолютно иной способ достижения цели – «суперструнный». Созданная Суперклизмой «струна» создаст цепочку микроскопических чёрных дыр, которые при схлопывании дадут нам искомый результат, позволят заглянуть в прошлое на десяток с лишним миллиардов лет, вплоть до начала Большого Взрыва.

– Интересно, – сказал Руслан, чтобы хоть что-то сказать.

– Ты полагаешь? – посмотрел на него командир «Соко-

ла», подняв бровь. — Впрочем, это и в самом деле весьма интересно. Учёные вознамерились уточнить космологическую структуру Вселенной, флаг им в руки. Теперь поговорим о другом. Что ты знаешь о шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра?

— Ничего, — честно ответил Руслан, перестав искать в вопросах Воеводина тайный смысл.

— Не буду утомлять тебя цифрами и фактами, не относящимися к проблеме. В скоплении недавно открыт загадочный объект, получивший название Ось Зла. Вот его конфигурация.

Лес вокруг собеседников исчез. Вместо него появилось угольно-чёрное небо и великолепный звёздный шар, сверкающий всеми оттенками красного и оранжевого цветов.

Шар поплыл навстречу, заполнил собой всё пространство обзора. В нём обозначилась цепочка звёзд, оконтуренных жёлтыми колечками. Все они держались близко друг к другу и укладывались на одной прямой линии. Их было не меньше нескольких десятков, и Руслан невольно сравнил образованную ими фигуру с тростью, унизанной рубинами.

— Хороша тросточка.

— Это реально существующий объект. В нём сто одиннадцать звёзд. Все они находятся строго в пяти астрономических единицах друг от друга и соединяются фермой из какого-то необычного материала, не сгорающего в ядерном пламени звёзд.

– Откуда вы знаете?

– Там сейчас работает группа наших специалистов.

– Вы хотите сказать, что они... контактируют со строителями Оси?!

– Строители не отзываются. Может быть, их давно нет. Строилась Ось тысячи лет назад. Но суть не в этом. В настоящий момент Ось занимает такое положение, что наша Суперклизма и Ось находятся строго на одной прямой. Идеально! Ну, или почти идеально. Понимаешь?

– Нет...

– Случайно или не случайно их ориентация такова, что они укладываются на одну прямую, составляют, так сказать, своеобразную «суперструну».

– Ну и что? Теория вероятности допускает и не такие конфигурации звёзд в скоплениях.

Воеводин пригладил пальцем бровь.

– Первооткрывателя Оси убили. Его приятелей тоже. Запись об открытии исчезла. К счастью, убийцы не смогли уничтожить все следы, и нам удалось зацепиться за странности проблемы. Если прямолинейная ориентация Оси Зла и Суперклизмы – случайное совпадение, то ликвидацию астрономов случайной назвать трудно. Вот почему нам нужен независимый опер, которого никто не заподозрит в связях с контрразведкой. Возьмёшься? Риск максимален. Мы пока не знаем, с чем или с кем столкнулись. Надо будет влиться в коллектив строителей Суперструнника и выяснить всё, что

можно.

– Я не строитель...

– Квалификация строителя тебе не понадобится, хотя придётся вживить в память интенционал по конструкции Суперструнника. Строительство курирует ФАК,<sup>16</sup> их специалист временно выбыл из процесса.

– Как это – временно выбыл?

– Специалист – девушка, – усмехнулся Воеводин. – Точнее – молодая женщина, собралась рожать. Нужна замена. Мы можем послать тебя как представителя агентства.

– Я не разбираюсь в специфике его работы.

– Скушаешь ещё один интенционал.

Руслан помолчал, не желая выглядеть торопыгой.

– Вы всё продумали.

Воеводин отвернулся, разговаривая, очевидно, с кем-то по мыслесвязи.

Руслан посмотрел на сияющую Ось Зла.

– Какая может быть связь Оси с... – Он заметил нетерпеливое движение пальца собеседника и выпрямился. – Я согласен.

– Ну и славно. – Воеводин отставил пустую чашку из-под чая, встал. – С деталями тебя познакомит мой помощник. Сутки на подготовку. Завтра в это же время ты должен быть на стройке. Вопросы есть?

Руслан ощутил внезапный холодок в желудке, подтянулся.

---

<sup>16</sup> ФАК – Федеральное агентство по контролю за опасными исследованиями.

– Связь?

– Информационная – через сеть нашего «спрута», экстренная – по консорт-линии, коды и форму тебе предоставят. Всё?

– Пока всё.

– С богом! – Воеводин повернул голову к двери. – Ваня.

Вошёл белобрысый парень с неприметной наружностью, но с приятным лицом. Бросил взгляд на гостя, кивнул:

– Добрый день. Слушаю, командир.

– Твой подопечный, знакомьтесь.

Белобрысый протянул руку:

– Иван Грымов.

– Руслан Горюнов, – пожал протянутую руку спасатель.

– Задача – за сутки сделать из него нашего человека, – добавил Воеводин.

– Сделаем, генерал. – Белобрысый со смешной фамилией Грымов сделал приглашающий жест. – Идёмте.

Руслан шагнул к выходу и вдруг понял, что не спит.

# Глава 5

## Удар в спину

Первая неприятность обнаружилась неожиданно: бортовой комплекс «струнной» связи внезапно перестал принимать сообщения с базы.

Тихий долго пытался разобраться в причинах этого явления, что-то менял, тестировал, программировал. Потом признался, что неисправность кроется в структурах бортовой рации и что устранить её можно только на Земле.

– Пробовал заменить блоки? – поинтересовался Рудольф Маккена.

– Не работают ни основной, ни резервный, – буркнул инк.

– Причина?

– Никаких предположений. Настроиться невозможно. Происходит самопроизвольный дрейф частот хайевой денситины. Такое случается лишь при заводском браке. Но ведь не могли же нам дать блоки с одинаковой неисправностью? К тому же связь до этого момента работала нормально.

– Попробуй настроить контур ещё раз.

– Делаю всё, что могу, – сухо отрезал инк. – Но я не ремонтный витс, мои возможности ограничены.

– Экипаж? – обратился Маккена к подчинённым.

Вопрос повис в воздухе. Причин отказа техники никто не



понимал, даже Успенский, попытавшийся проанализировать состояние бортовых систем связи. Поэтому все молчали, не представляя, чем выявленная неисправность может грозить спейсеру.

«Ра» продолжил дрейф вокруг звёзд Оси Зла.

Эксперты были заняты своими расчётами и исследованиями феномена. Экипаж занимался текущими проблемами рейса, также участвуя в изучении Оси, накапливая багаж фактов, которые впоследствии могли бы помочь учёным на Земле.

На пятый день пребывания в скоплении спейсер приблизился к ферме, соединявшей звёзды Оси, и люди впервые вышли в открытый космос, чтобы «пощупать странную конструкцию руками» и убедиться в том, что она им не грезится.

Ферма оказалась вполне материальной, хотя прикоснуться к ней руками не удалось. По узлам и секциям фермы гуляли миллионвольтные электрические разряды, защиты от которых земные «кокосы» не имели. Даже экспедиционные кибы не смогли подобраться к ферме и дотронуться до неё манипуляторами. И только «големы» – модули высшей защиты приблизились к ферме вплотную и какое-то время изучали её геометрию и материальный состав, хотя пляска молний скверно отражалась и на их управляющих инках.

Однако ни эксперты, ни исследовательская аппаратура «Ра» так и не смогли определить материал, из которого она состояла. Ни о каких известных элементарных частицах

речь не шла. Ферма-спица могла равным образом состоять из экзотических нейтралино либо из «зеркальных» отражений обычных частиц. Без приставки «анти». То есть, естественно, материал фермы не мог быть антивеществом, так как давно прореагировал бы с ядерной плазмой звёзд.

И всё же Маккена нашёл способ «потрогать ферму руками».

Один из двух имеющихся на борту «големов» усовершенствовали, снабдили дополнительным контуром полевой защиты, и к ферме направился отряд в составе двух человек: Розы Линдсей и драйвера-примы Вацлава Хржички.

«Голем» достиг крайней «веточки» фермы, имевшей в сечении форму ажурной снежинки диаметром с планету, но пристыковаться не смог. Манипуляторы соскальзывали, и даже вакуумные присоски не держали, настолько материал «снежинки» оказался даже не скользким – ажурным! Это и в самом деле был чистейшей воды фрактал наподобие губки Серпинского.<sup>17</sup>

– Я поняла, Марч, – заговорила Роза Линдсей, обращаясь, очевидно, к своему напарнику, оставшемуся на борту спейсера. – Это кристалл!

– Что? – не понял пилот. – Какой кристалл? Вы о чём?

– Вакуумный. Ось не смонтирована из отдельных секций, она выращена из вакуума как кристалл.

– Только так и можно создать такую конструкцию, – при-

---

<sup>17</sup> Губка Серпинского – яркий образчик фракталоподобных геометрий.

летел тихий голос второго эксперта. – Посмотри там внимательно, какова симметрия губки.

– А симметрия здесь при чём? – спросил Вацлав. – Что нам она даст?

– Интересно, как закручены оси кристалла, – ответил Марч Кремень. – Направо или налево. Если налево – существа, спроектировавшие Ось, близки к нам по хиральности, а может быть, и по психологии. Если направо...

– Они негуманы?

– Закономерности тут сложнее, – сказала Роза. – И так ясно, что скорее всего Ось строили негуманоиды.

– Пауки, – фыркнул драйвер-прима «Ра».

– Может быть, и пауки.

Разговор прервался.

«Голем» медленно двинулся вдоль туманно-прозрачной «губки», пронизанной порами разного размера. Попробовал отломить кусочек «снежинки», но манипуляторы всё так же соскальзывали, и захватить «веточку фрактала» не удалось.

– Командир, может быть, попробуем отрезать кусочек с помощью неймса? – предложил Вацлав.

– Попробуйте, – дал разрешение Маккена.

Инк «голема» прицелился, выстрелил из нейтрализатора молекулярных связей.

Однако на материал ближайшей ветви «снежинки» это не произвело никакого впечатления. Луч неймса, в котором распадались все виды вещества, не оставил на сияющей под

лучами близких звёзд веточке никакого следа.

Длинная голубоватая молния проскользнула по «снежинке», обвилась вокруг «голема», умчалась по ферме дальше. «Голем» содрогнулся, однако его защита выдержала.

– Сидим как на электрическом стуле, – со смешком заметил пилот.

Роза не ответила, колдуя над программами аналитического комплекса «голема». Для неё в настоящий момент не существовало ничего, кроме объекта исследований.

– Неймс не действует, – сказал Вацлав. – Командир, у нас есть ещё лазер и аник.

– Давай, – согласился Маккена. – Только поосторожней, пожалуйста.

«Голем» нырнул в глубь «снежинки», пристроился к очередной «веточке фрактала» величиной с гору. Пилот поймал в перекрестье визирных меток маленький ажурный «можжевельник» и попробовал отрезать его «ножом» лазера.

Тонкий луч сиреневого цвета отразился от «можжевельника», заметался по соседним «веточкам», образуя своеобразный губчатый мох, погас.

– Не берёт, зараза!

Ещё один высверк луча. С тем же результатом.

– Ладно, попробуем аник.

Но и невидимый «скальпель» аннигилятора – луч антипротонов – ничего не мог поделать с веществом «мха». Он также отразился от «веточки можжевельника» и бесследно

затерялся в кавернах «снежинки».

– Этого следовало ожидать, – заметила Роза.

– Можно ещё попробовать плазменный выхлоп...

– Получим то же самое. Это экзоматерия. Возможно – «зеркальная», как мы и предполагали. Возможно, она состоит из вимпов или аксионов.

– Насколько я знаю, – подал голос Успенский, – все эти частицы формируют гравитационное поле. У нас же – ноль на счётчиках! Ферма *не имеет* массы!

– Нужны дополнительные измерения, – сухо заметила Роза. – Мы здесь всего пять дней, выводы делать рано.

– Да я не возражаю, – сказал инконик спейсера флегматично.

– Возвращайтесь, – сказал Маккена.

– Командир, я попробую пройти внутрь фермы, – произнёс Вацлав. – Вдруг обнаружим что-нибудь интересное?

– Фрактал везде одинаковый, – скептически хмыкнул Успенский. – Потому он и фрактал.

– Возвращайтесь, – повторил Маккена.

– Я бы тоже хотела углубиться в структуру, – поддержала пилота Роза Линдсей. – Датчики регистрируют усиление вакуумных осцилляций. Здесь рождаются античастицы.

– Хорошо, опуститесь пониже, насколько можно, но не дальше чем на сто километров.

«Голем» скользнул к соседней «ветви снежинки», нырнул в «долину» между ветвями, затем ещё ниже, в недра «мши-

стой» «губки Серпинского».

Видимость ухудшилась. Левая и правая звёзды Оси скрылись за ажурными сплетениями «мха» и «можжевельника» фермы.

Аппарат включил прожектор. Луч света буквально *разбрызгался* от засиявших белым накалом «ветвей снежинки». Раньше они казались красными в лучах багровых звёзд, теперь же стало ясно, что вещество фермы отражает свет как абсолютное зеркало.

«Голем» продолжил спуск в глубины сложнейшего фрактала, образовавшего непревзойдённой красоты «губку».

Радиосвязь тоже ухудшилась. Сигнал тонул в странных помехах. Возможно, причиной тому было дифференциальное рассеивание радиоволн на изломах конструкции либо аномально высокое содержание антипротонов, рождающихся вблизи «мха».

– Ещё немного, и возвращаемся, – сказал заскучивший пилот.

Роза не отозвалась. Она лихорадочно работала: снимала показания датчиков и всевозможных измерителей полевой обстановки, анализировала фон излучений вокруг аппарата, записывала свои мысли.

Опустились на сорок километров внутрь гигантских каверн, образованных всё тем же законом фрактальных расхождений.

Ничего особенного не происходило. Радиоактивный фон

и количество змеящихся вдоль волокон «мха» молний достигли определённой величины и держались на одном и том же уровне.

Связь прекратилась совсем.

Вацлав Хржичка хотел предупредить эксперта, что они поворачивают назад, и вдруг заметил слева по ходу движения какой-то необычный выступ на крайней «веточке можжевельника».

– Роза, слева, видите?

Эксперт с трудом оторвалась от своих занятий, нашла выступ.

– Да, вижу... странно... подойдите поближе.

Вацлав сориентировал аппарат, снизил скорость.

Нарост на остром зубце «можжевельника» стал виден лучше. Он отличался от самого «можжевельника» и цветом, и формой, но определить его происхождение было трудно. Он был явно лишним в этом мире фрактальной геометрии.

Моллюск, пришло на ум пилоту сравнение, рыба-прилипала на шкуре кита.

Однако это был не моллюск.

«Голем» достиг «куста можжевельника», остановился в двух сотнях метров от него.

Стало видно, что нарост, действительно напоминавший по форме спиралевидный панцирь улитки, буквально пронизан стрелкой «можжевельника», пришпилен к кусту фрактала.

– Что это? – с удивлением проговорила Роза.

– Ё моё! – выдохнул Вацлав, внезапно догадываясь. – Да это же... космолёт!

– Космолёт?!

– Посмотрите внимательно! Это неземной космолёт! У нас никогда не было машин таких форм. А больше здесь некому появляться. Они, как и мы, пришли посмотреть на Ось и наткнулись на острый шип «можжевельника»!

– Почему?

– Откуда я знаю? Может, не снизили вовремя скорость, может, их сбила пляска молний. А возможно, корабль вели автоматы.

– Автоматы, как правило, реагируют быстрее людей.

– Я просто перечисляю варианты.

– Надо срочно вызвать сюда остальных!

– Связи нет, нас не слышат.

– Но им, возможно, нужна помощь!

– Кому?

– Экипажу этого «моллюска».

– Корабль пробит от носа до кормы! Наверняка все погиб-ли. К тому же он мог просидеть здесь «на игле» сотни лет.

– Всё равно надо проверить.

Пилот помедлил, продолжая вызывать спейсер, но ответа не получил.

– Хорошо, попробуем подойти вплотную.

«Голем» двинулся к «ракушке моллюска», ощупывая её



лучом прожектора. Стало видно, что чужой корабль примерно такой же величины, что и земной спейсер. Вблизи в его грязно-зелёно-коричневом корпусе открылись какие-то ниши, выбоины и вмятины, что позволяло точнее определить возраст корабля. Ему и в самом деле было много лет.

– Я же говорил... – начал пилот.

– Там дыра пониже, у кормы, – перебила его Роза. – Попробуй пройти внутрь.

Вацлав хотел возразить, но прикусил язык: эксперта могла неправильно его понять, обвинить в трусости. Он же всего-навсего выполнял пункт СРАМ-инструкции.

«Голем» подошёл вплотную к спиралевидной горе «моллюска», осторожно проник в десятиметровый пролом в нижней трубе «раковины». Прожектор высветил какие-то сложные геометрические изгибы внутренних переборок, пятна изморози на стенах помещения, ноздреватые глыбы льда. Открылся проход внутрь корабля, похожий на глотку кита.

– Запроси их.

Пилот послушно включил рацию:

– Есть тут кто живой? Проснитесь! Ответьте! Или хотя бы покажитесь.

Ответом ему была мёртвая тишина.

Вацлав помигал прожекторами, постучал лапой манипулятора в стену помещения, вызвал хозяев ещё раз. Но корабль чужаков был заполнен вакуумом, воздух из него весь вышел, и отвечать землянам никто не спешил.

– Корабль мёртв, – пробормотал Вацлав. – Никого мы здесь не найдём.

– Может быть, пройдем дальше в «кокосах»? – предложила Роза.

– Не вижу смысла! – отрезал Вацлав. – Доложим командиру, пусть решает.

– Хорошо, – согласилась женщина, добавила после короткой паузы: – Скорее всего они были жителями океана.

– Почему?

– Пятна изморози на стенах – это лёд. Вон те наросты внизу и вверху – тоже лёд. Корабль был заполнен водой. Да и форма его уж больно специфична.

– Может быть, – осторожно сказал Вацлав. – Хотя это уже не имеет никакого значения. Космолёт торчит здесь давно. Все эти дырки в его корпусе проела аннигиляция.

Пилот выключил прожектор, и стало видно слабое звёздчатое мерцание краёв пролома – в большей части и стенок помещения. Возникающие в вакууме вблизи «можжевельника» антипротоны аннигилировали с веществом корабля, вспыхивали звёздочками и продолжали разъедать корпус корабля, потерявший защиту.

– Уходим. Командир может послать за нами второй «голем».

– Хорошо, возвращаемся, – согласилась разочарованная женщина.

Аппарат выбрался из отсека разбитого корабля, развер-

нулся, ощупывая лучом прожектора нависающие со всех сторон «ветви можжевельника», будто надеясь увидеть живых обитателей космолёта, потом двинулся обратно, в точности повторяя все эволюции прежнего курса.

Через час они всплыли над верхней «лопастью снежинки» и сразу услышали голос второго пилота «Ра», вызывающего разведчиков.

– Здесь мы, всё в порядке, – отозвался пилот. – Связи не было, как в могиле. Мы обнаружили корабль.

Стало тихо.

Потом Маккена сказал:

– Наш?

– Нет, чужой. У него моллюскообразная форма, как у домика улитки, разве что чуть посложней. Внутри пусто. Экипаж скорее всего давным-давно мёртв. Хотя времени на детальное обследование у нас не было.

– Возвращайтесь.

– Интересно, чего они такие недовольные? – вполголоса проговорил Вацлав, обращаясь к Розе.

Та не ответила.

На борту стало известно, что «струнная» рация космолёта вышла из строя окончательно. Ни основной, ни резервный блоки комплекса не работали. Теперь «Ра» не мог ни посоветоваться с базой, ни даже просто сообщить руководству Управления контрразведки о своих открытиях.

Сутки Успенский, бортинженер корабля Иванов и Тихий пытались разобраться в причинах отказа связь-комплекса. Потом инконик жестом вызвал Маккену в кают-компанию.

– Не поверите, командир...

– Говори, – сдвинул брови к переносице Маккена.

– Я думаю, аппаратуру поразили вирус.

Лицо Маккены не дрогнуло, лишь в глазах протаяло сомнение.

– Нановирус, – добавил Успенский с кривой усмешкой. – Нам надо как можно быстрее убираться отсюда. Возможно, у него в программе заложено и повреждение Тихого. Тогда нам вообще кранты.

– Этого не может быть!

Успенский развёл руками.

– Я проанализировал все данные, учёл поведение систем, сделал на личинке<sup>18</sup> прогноз... Иного объяснения просто не существует. Тихий реагировал правильно, пытался отремонтировать рацию своими силами, но вирус действовал хитрее, очень медленно, избирательно, а потом, очевидно, самоликвидировался. Мы не найдём никаких следов.

– Следы остаются всегда, надо лишь знать, где их искать.

---

<sup>18</sup> Личинка – персональный нанокomпьютер (от слов «личный» и «инк»).

Но мне в таком случае непонятно, как нанобоб попал на корабль.

– Эксперты.

– Что?!

– Они, может быть, даже не догадываются, что являются носителями вируса. Мы же их не проверяли? Ни их самих, ни багаж. Либо нанобоб запустил тот, кто их сопровождал.

– Не гони пургу! – фыркнул Маккена. – Это зам Джона Ву Кингсли Фурсенко.

– Ну и что, что зам? Нынче ни в ком нельзя быть уверенным на сто процентов.

Маккена покачал головой, задумался.

– Хорошо, иди на место. Никому ни слова! Поработай с Тихим напрямую, проверь его адекватность, но так, чтобы вирус, если он уже внедрён в систему, не догадался о тестировании и не начал атаку.

– Понял.

Успенский удалился, озабоченный.

Маккена прошёлся по кают-компании, защита которой включалась автономно и не зависела от услуг инка, потом вскрыл пакет инструкций, полученный ещё перед походом на случай непредвиденной ситуации. Прочитал текст на двух страничках: инструкции были напечатаны на специальной бумаге и дублировались на играющей перламутровыми переливами чешуйке флэшки. Люди, разработавшие инструкции, предусмотрели множество вариантов развития собы-

тий, однако далеко не все. Выход из строя комплекса связи по вине нанофоба они не предвидели.

Маккена вложил листочки и флэш в конверт, стукнул по нему пальцем. Конверт вспыхнул ярким пламенем и сгорел за секунду, не оставив даже пепла.

– Командир, надо ещё раз посетить чужой корабль, – раздался в наушнике голос Розы Линдсей.

Маккена хотел ответить отказом, но вдруг подумал, что нановирус может активизироваться от любого неосторожного слова, и коротко ответил:

– Я решу это сам.

Через час, посоветовавшись с Успенским, он дал команду Тихому двигаться внутрь фермы тем же курсом, что шёл недавно «голем» с разведчиками. Тихий повиновался безоговорочно. И тем не менее у Маккены сложилось впечатление, что инк «злорадно захихикал», получив приказ. Конечно, это было чисто психологическое впечатление, навеянное разговором с инконином, однако отстроиться от него Маккена уже не мог. Он ломал голову, как скрытно рассчитать курс на Солнце и преодолеть семнадцать тысяч световых лет одним прыжком.

«Ра» опустился на глубину в сорок километров внутрь тела фермы вдвое быстрее, чем это сделал «голем».

Показался «нарост» на кусте «можжевельника», проткнутый острым шипом. Чужой корабль был всё так же неподвижен, печален и нем. Ни на один сигнал землян он не ответил.

Тем не менее Маккена выслал «голем» с отрядом спасателей, возглавляемый драйвер-секундой корабля, и в течение пяти часов люди изучали моллюскообразный космолёт, проеденный аннигиляцией до дыр, превратившийся почти в решето. От любого толчка, любого прикосновения его материал начинал ползти, трещать, съёживаться, корабль скрипел и качался, грозя развалиться на куски, и стало окончательно ясно, что его возраст намного превышает все возможные сроки жизни любых разумных существ. По оценке экспертов, ему исполнилось не меньше двух тысяч лет. Искать живых членов экипажа не имело смысла.

Однако уже одна эта находка – след иного разума! – открывала большие перспективы для земной науки. В скоплении жили разумные существа, изучающие звёзды и обратившие внимание на Ось Зла. Их экспедиция погибла, но поиск их родины уже не казался безнадёжным делом для земных коммуникаторов, и весть о корабле наверняка послужила бы оптимистическим прецедентом, связанным с надеждой на прямой позитивный контакт.

Пока шло изучение чужака, Маккена провёл консультации с Вацлавом Хржичкой и Успенским, втайне от Тихого, на личинке сделал приблизительный расчёт «струны» до Солнца и приготовился осуществить прыжок внезапно, без объявления и подготовки. Он понимал, чем может закончиться оживлённая дискуссия между членами экипажа и экспертами по этому поводу. Неподготовленный переход

на «струну» был рискованным. Почти смертельно опасным! Но активизация нановируса вообще могла сорвать старт, что означало бы безусловную гибель экипажа.

«Ра» отодвинулся от мёртвого «моллюска», принадлежавшего иной цивилизации. Пора было решать, что делать дальше.

– Отдыхаем, – сообщил Маккена по внутренней связи. – Есть тема для разговора.

– Может, махнём ещё глубже? – предложил загоревшийся второй пилот. – Вдруг наткнёмся на какой-нибудь другой корабль?

– Вероятность такой встречи... – скептически начал Успенский.

– Всем собраться в кают-компанию! – отрезал Маккена. – Кроме экспертов. Пусть занимаются своим делом.

Поворчав, члены экипажа повиновались.

Через несколько минут Маккена оглядел ждущих его объяснений подчинённых и сказал:

– У вас ровно две минуты на подготовку к прыжку!

Глаза присутствующих с изумлением и недоверием обратились к нему.

– Отсчёт пошёл! – остановил Маккена попытку второго пилота заговорить.

– Линия готова, – доложил Успенский, подготовивший канал ввода информации инку корабля из кают-компанияи.

– Уходите!



Вацлав Хржичка, знавший о замысле командира, метнулся к выходу.

– Может быть, лучше я оста... – неуверенно начал Успенский.

– Время!

Инконик, изменившись в лице, выскочил из кают-компании. За ним бросились товарищи, сообразившие, что это не розыгрыш.

Маккена вставил флэш-задатчик в гнездо установленного Успенским вириала управления.

– Тихий, режим ЧС! Старт по указанным координатам!

Поскольку он не успевал к своему командирскому кокону, Маккена и не думал спешить. Переход на «струну» он собирался перенести без защитных систем кокон-кресла.

– Вводную принял! – отозвался Тихий голосом озабоченного человека. – Однако хочу заметить...

Пауза.

– Это странно... – Еще одна короткая пауза, голос инка изменился: – Не понимаю... Внимание! Отмечаю несанкционированное проникновение инородных структур в...

Голос компьютера снова изменился, стал хриплым, булькающим, невнятным:

– Трево... вирусн... атака... резервные системы...

– Старт! – рявкнул Маккена.

– Резерв... систем... поврежд... – Речь инка перешла в неразборчивое бормотание.

– Командир, отбой всей инконики! – крикнул Успенский. – Переходи на аварийный ручник!

Маккена почувствовал ледяной озноб. Переход на ручное управление означал высший уровень компьютерной неадекватности, когда инк буквально «сходил с ума» и мог решиться на любые действия вопреки вложенной в него программе «трёх законов роботехники».

– Вынужд... примен... – прорвался в наушниках голос Тихого.

Маккена с размаху ударил рукой по красному грибку полной отсечки автоматики на подлокотнике кресла.

## **Глава 6**

# **Непредвиденные встречи**

С высоты в сто километров ферма «суперструнного» генератора виднелась блестящей линейкой с мелкой насечкой, теряющейся во мраке космоса. Ничто не говорило о мощности и возможностях этого сооружения, протянувшегося на двадцать тысяч километров, то есть на расстояние, почти вдвое превышающее диаметр Земли. Оно воспринималось лёгкой тростиночкой, плавающей в пустоте, и не могло претендовать на роль серьёзной машины, способной пробивать вакуум и рождать чёрные дыры.

Руслан пожал плечами, одним словом «посмотрим» отвечая самому себе, устроился поудобнее и стал ждать. Ему было тепло и комфортно, мысли плавали из края в край сознания, не задевая сферу чувств, но он чётко знал, что сегодня состоится запуск Суперструнника, и ждал его с нетерпением.

Справа показалось Солнце, но не ослепительно яркое, а словно присыпанное пеплом.

Слева всплыл горб Марса.

Руслан вяло удивился: Суперструнник располагался далеко за орбитой Марса, и красная планета должна была казаться звёздочкой на фоне звёзд Млечного Пути. Но в это время Суперструнник включился, и думать о каких-то несоответ-

ствиях в пейзаже стало недосуг.

Линейка генератора пробоя пространства вспыхнула фиолетово-сиреневым светом, образуя странный медленный луч, точнее – ручей пламени, который прыгнул в обе стороны вдоль линейки. Этот ручей вдруг повернул и вонзился одним концом сначала в Марс, потом другим в Солнце.

Руслан с ужасом увидел, как Марс взорвался! Во все стороны полетели каменные и ледяные обломки планеты, таща за собой кометные хвосты сияющей пыли и газа.

Солнце покрылось темными пятнами, которые начали превращаться в чёрные шары с вихрящейся короной.

«Чёрные дыры! – похолодел Руслан. – Сейчас они разнесут всю Систему!»

Шар повернул к нему, стремительно увеличиваясь в размерах, и... Руслан проснулся, судорожно подскочив на кровати.

Панорамное окно спальни оставалось непроницаемо тёмным, но, судя по вспархивающим мотыльками в толще потолка цифрам времени, над городом занимался рассвет. Пора было вставать.

– Окно, – сказал Руслан, с облегчением расслабляясь. Стена стала прозрачной.

Действительно, лучи встающего весеннего солнца осветили дальние жилые башни Зарайска, и безоблачное небо обещало хороший день.

«Хорошо, что это был всего лишь сон!» – подумал он.

Сон был навеян беседами с инструктором Воеводина и тем материалом, который Горюнов получил для полного освоения специальности инспектора ФАК. Теперь он был специалистом не только в области социопсихологии и когнитивной экологии, но и в области астрофизики, космологии и физики высоких энергий. Во всяком случае, поддержать беседу о принципах работы Суперструнника он мог легко. Хотя до сих пор не мог преодолеть странного дискомфорта: построенный землянами колоссальный ускоритель, точнее, «дробитель» элементарных частиц, был способен разорвать ткань пространства таким образом, что энергия вакуума порождала самые экзотические объекты Вселенной – чёрные дыры. Суперструнник... или Суперклизма... м-да!

Руслан улыбнулся.

Интересно, чья фантазия породила этот словесный шедевр, назвав генератор деформации вакуума Суперклизмой? Недобрый, наверное, человек.

Нет, хорошо всё-таки, что это был всего лишь сон!

Он подошёл к окну, глядя на город с высоты сорок седьмого этажа шестой жилой «стрелы» центрального района.

Зарайску исполнилось тысяча сто шестьдесят лет, если верить официальным летописям. Первое упоминание о городе-крепости появилось в них ещё в начале двенадцатого века. Но отец Руслана, археолог-лингвист, утверждал, что по окрестным равнинам ещё бродили мамонты и шерстистые носороги, а на прибрежном холме уже селились предки за-

райчан. И случилось это не менее двадцати тысяч лет назад. Много воды утекло с тех пор.

Крепость неоднократно разрушалась и восстанавливалась. Город рос, разорялся и чах, снова отстраивался. Ходили легенды, будто Николай Чудотворец делал его невидимым для завоевателей, оттого он и сохранился в те лихие времена. Лишь название изменилось: начинался он как Осётр, Посад Николя и Заразск, а стал Зарайском. Таким его знали и в начале двадцать четвёртого столетия. Разве что он раздался вширь, перешагнул реку Осётр и превратился в одно из современных экопоселений, где наравне с новейшими жилыми башнями сохранились и старинные усадьбы четырнадцатого века, и памятники архитектуры, такие, как Никольский собор, собор Иоанна Предтечи и белокаменный кремль.

Руслан бросил взгляд на хорошо видимые с высоты башни кремля, – главная – парадная башня, носящая имя Николая-угодника, была повёрнута к его дому «лицом», – и побежал умываться.

С тех пор как ушла жена, в своей небольшой трёхкомнатной квартирке он жил один.

Родители обитали в Корсуни, по нынешним меркам – совсем рядом. На такси-флайте можно было добраться до их дома за десять минут.

Родная сестра Руслана Саша жила с мужем и тремя детьми в Хабаровске.

Друзья расположились кто где: Шурик Гришевич – в

Москве, Павел Дружинин – в Калуге, братья Грайсы – в Стокгольме. Однако ничего не стоило встретиться с ними при желании, используя сеть метро. Хотя вместе они собирались редко, не хватало времени. Тем не менее собирались, вспоминая былое, в основном – на Новый год или на празднование Восьмого марта. Правда, уже дважды Руслан отмечал этот праздник без жены.

Он вышел из душевой кабины, вытираясь роскошным старинным полотенцем, подаренным бабушкой, подошёл к нише в стене, где, искусно подсвеченный, висел в воздухе витейр – объёмный портрет жены. Сердце защемило. Ярослава улыбалась. Когда её фотографировали на берегу моря, она ещё не знала, что станет женой Горюнова... а потом уйдёт от него по странной причине, которую можно было назвать одним словом: гордость.

Руслан поморщился, вздохнул, стал одеваться. Он до сих пор был уверен, что не обижал жену, но она ушла, посчитав, что он ограничивает её свободу. Впрочем, настоящей причиной её ухода могло быть и полное отсутствие у Руслана честолюбия. В те времена ему было всё равно, поступит ли он в университет, добьётся чего-нибудь или нет, раздражает ли кого-нибудь его расхлябанность или нет. Хотя при этом ему нравилось казаться целеустремлённым и решительным, часто давая понять, что в семье он главный.

Руслан ещё раз вздохнул.

Ярослава ушла. Вернуть ничего было нельзя. Три года он

жил без неё, мечтая когда-нибудь встретить и объясниться. Но случай так и не подвернулся, хотя многое изменилось с тех пор. Во всяком случае, он действительно обрёл некую внутреннюю силу и твёрдость, иначе не стал бы спасателем экстра-класса, которому доверялись сложнейшие операции. И всё же Ярославы не хватало. Яры – если она сердилась, Славы – если пребывала в хорошем настроении.

Руслан позавтракал: рис в малиновом соусе, перепелиные яйца в майонезе, кофе со сливками (всё это, естественно, готовил его кухонный автомат), – махнул рукой витейру жены и аккуратно закрыл за собой дверь квартиры.

Его ждала другая жизнь, жизнь секретного агента контрразведки, работающего под личиной инспектора Федерального агентства по контролю за опасными исследованиями, ответственного за экологическую безопасность Суперструнника. Никто из друзей и подруг Горюнова не знал о его новом назначении. Даже отцу он ничего не сказал, справедливо полагая, что не смог бы ответить на все его вопросы. А врать не хотелось.

В принципе, он мог бы жить и дома, поскольку добираться до стройки в космосе не составляло труда. Пять минут от дома до метро, три минуты с переходом и выходом на метро, две минуты по коридорам Суперструнника – вот и всё время в пути. Но Руслан решил поселиться на месте своего предшественника, чтобы «проникнуться духом» грандиозной стройки, поэтому захватил с собой всё, что могло пона-



добиться ему на первое время. Сумка получилась солидная, а самой ценною вещью в ней был портрет Ярославы. Хотя зачем он взял его с собой, Руслан и сам не знал.

Суперструнник имел свою службу охраны. Извне его охраняли фрегаты Службы безопасности, внутри, там, где располагались закрытые объекты – центр управления, служебные помещения, тоннели и научно-исследовательские терминалы, – службу несли охранники-люди и витсы.

На выходе из отсека метро Руслана проверили: сканер снял с него все показания, в том числе – биометрические параметры личности. Но так как выходил он на работу легально и все данные соответствовали действительности, пропустили его в небольшой приёмный холл деловой зоны стройки беспрепятственно.

В зоне располагались все нужные Руслану офисы руководителей стройки.

Первым делом Горюнов предстал перед светлыми очами начальника охраны Суперструнника господина Кляйстерса, неторопливого бельгийца, который прочитал ему лекцию о соблюдении правил общежития на объектах стройки и предупредил о зонах повышенной опасности, куда даже инспектору ФАК нельзя было проходить без сопровождения. Таких зон было пять. А кроме того, сообщил, где Горюнову предстоит обитать и как туда добраться.

Руслан вошёл в свой жилой модуль, где до него жил предшественник, вернее, предшественница, со смешанным чув-

ством ожидания и стеснения. Но все его страхи оказались напрасными. Никаких следов пребывания женщины модуль не сохранил. Кроме разве что тонкого запаха духов. В остальном это был стандартный жилой «барабан» длиной в пять и шириной в три метра, имеющий кровать, столик, стул и видеосистему. Точно в таких же обитали все строители Суперструнника, учёные, эксперты и другие официальные лица, причастные к стройке.

Бросив сумку в нишу гардероба, Руслан осмотрелся, опробовал видеосистему – шли новости, заглянул в крохотный бар: безалкогольные напитки в ассортименте, затем в не менее крохотный туалет и вышел из отсека, закрыв дверь на кодовый биопараметрический замок. Теперь открыть дверь модуля мог только он.

Захотелось пройтись по всем интересным узлам строительства и даже облететь его кругом на вакуумплотном флайте. Однако Руслан преодолел желание. Сначала надо было доложить научному руководителю строящегося комплекса, профессору Фердинанду Херцигу, разработчику Суперструнника, а потом и руководителю строительной компании «Асур», которая осуществляла монтаж конструкций. Директором компании и координатором стройки была женщина по фамилии Тихонова, и Руслан готовился увидеть мужеподобную фигуру, держащую в пальцах сигарету и отдающую отрывистые приказы суевающимся прорабам.

Что касается первого деятеля, Фердинанда Херцига, то

впечатление от встречи с ним у Руслана не сильно разнилось с его ожиданиями.

Херциг оказался молодым (ему недавно исполнилось сорок два года), энергичным, спортивного вида, хорошо сложенным брюнетом с пронзительными чёрными глазами. По данным Горюнова, Херциг слыл любителем женщин, не пропускал ни одной юбки, но при этом оставался мощнейшим математиком, физиком-теоретиком и космологом, разработавшим теорию «упруго-кристаллического вакуума». Ему прочили большое будущее в сфере разработки базовых физических теорий, и он вполне оправдывал надежды политиков Германии, желающих видеть его во главе Научного Совета мира.

Руслан знал также, что Херциг владеет всеми четырьмя уровнями интегрального мышления и считается одним из представителей хомо футурис – человека будущего, которому подвластны любые математические расчёты без помощи компьютерных систем.

Руслан вошёл в кабинет учёного рядом с центром управления Суперструнником, задержал взгляд на панорамном виоме. Виом показывал Суперструнник в натуре – как бы сверху, под небольшим углом, и его схему с мигающими красным светом недостроенными участками генератора, потом заметил стоящего в задумчивой позе хозяина кабинета и сказал:

– Разрешите побеспокоить?

Херциг оторвался от созерцания медленно вращавшейся конструкции (голографического её изображения), глянул на гостя.

– Слушаю.

– Я Руслан Горюнов, инспектор Федерального агентства контроля. Буду работать с вами.

– Да, я в курсе, – кивнул Херциг, оглядывая фигуру гостя непроницаемыми глазами, и Руслану показалось, что его просвечивает насквозь самый настоящий рентгеновский луч.

В памяти всплыли наставления Воеводина.

Херциг явно был незаурядным человеком и вполне мог читать мысли собеседника. Пси-защитник, именуемый в просторечии «вшиником», спрятанный под волосами, явно был не лишним при контактах с ним. Хотя Руслан был уверен, что справится с любой гипноатакой самостоятельно. И всё же беседа с Фердинандом Херцигом требовала внимания и тщательного контроля поведения.

Руслан мимолётно подумал об «интегральном мышлении», доступном только паранормам. Сам он владел только тремя уровнями «интегралбрейнинга»: тактическим, то есть мышлением комбинациями ходов, стратегическим – мышлением позициями фигур, если использовать терминологию теории игр, и гиперстратегическим – то есть мышлением комбинациями позиций фигур. Но Херцигу, по данным контрразведки, удавалось манипулировать и четвёртым

уровнем «интегралбрейнинга» – мышлением *комплексами* комбинаций позиций фигур, что намного увеличивало его интеллектуальный потенциал.

– Разрешите обследовать ворп-генератор? – встал по стойке «смирно» Руслан. – На предмет соответствия?

Ворп-генератором называл Суперструнник сам Херциг, и означало это «генератор искривления пространства», от английского слова warp – искривлять. Англичане, работающие на стройке, привыкли называть генератор Дженворпом.

В глазах руководителя проекта мелькнула искра иронии. Он невысоко оценил умственные способности нового инспектора ФАК.

– Приступайте, это ваша обязанность. Помощь нужна?

– Никак нет.

– Тогда всего хорошего.

Руслан выдержал ещё один иронический взгляд главного конструктора, вскинул подбородок, чётко повернулся и вышел. Он уже понял, что рассматривал Херциг: собственно «сердце» Суперструнника, генератор пробоя вакуума.

В коридоре, за пределами резиденции учёного, инспектора встретил вежливый молодой человек субтильной наружности в форме пограничника.

– Прошу прощения, вы инспектор агентства контроля Горюнов?

– Он, – кивнул Руслан, гадая, кто перед ним, витс или «настоящий» человек.

– Лейтенант Мешем, управление Погранслужбы на Суперструннике. Меня направили вам в помощь.

– Кто послал? – удивился Руслан. – Я не просил.

– Моё руководство посчитало, что вам первое время будет трудно ориентироваться в здешних лабиринтах.

Руслан хотел послать неожиданного помощника подальше, потом подумал, что пограничник прав, ему действительно нужен проводник, а отослать его он сможет в любой момент.

– Как вас зовут, лейтенант?

– Джон.

– Очень приятно. Меня Руслан. Что ж, ваше руководство зрит в корень. Придётся вам взять на себя роль проводника. Вы давно здесь?

– Четыре года.

Руслан с интересом посмотрел на внешне невозмутимое лицо молодого человека. Суперструнник строился уже пять лет, и этот молодой парень по сути находился на стройке с момента монтажа первых секций фермы.

– С виду вам лет двадцать пять максимум.

– Мне двадцать девять. Я начинал работать на стройке как монтажник, потом перешёл в Погранслужбу.

– Понятно. Проводите меня к руководителю стройки. Надо познакомиться.

– Госпожа Ярослава Тихонова в настоящее время находится на Земле. Будет к четырём по среднесолнечному.

– Хорошо, подожду, – сказал Руслан, решая в уме задачу: случайно или нет координатор стройки носит имя жены? – Тогда покажите мне наиболее важные участки стройки.

– Готовые или недостроенные?

– И те, и другие.

Пограничник повернулся и встал на ленту коридорного транспортёра, бегущую слева. Руслан присоединился к нему, без усилий включаясь в ритм жизни гигантского сооружения, внутри которого никто не слонялся без дела.

Путешествие по Суперструннику произвело на Руслана большое впечатление. Всё же созерцание изображения ворп-генератора в виоме достаточно сильно отличалось от разглядывания натуры.

Сначала Горюнов и его проводник полюбовались на ажурную «линейку» фермы Суперструнника сверху, то есть из прозрачной кабины флайта «Ауди».

С расстояния в тысячу километров сооружение и впрямь напоминало линейку с нанесёнными на неё делениями, концы которой терялись в тёмной пустоте космоса. Но уже вблизи, с расстояния в два километра, «линейка» Суперструнника превратилась в красивую ажурную консоль, пронизанную по центру блестящей гофрированной трубой. По ней кое-где ползали мигающие огоньки, вспыхивали и гасли облачка и струйки дыма, и было видно, что это огромная серьёзная конструкция, созданная для великой цели.

Руслан проникся. Даже сравнил Суперструнник с первыми ускорителями элементарных частиц на Земле, казавшимися грандиозными инженерными артефактами. Но все они, конечно, уступали Суперклизме по сложности, мощности и размерам. Люди ещё никогда прежде не строили сооружений длиной в двадцать тысяч километров.

Показали Руслану и зоны повышенной опасности. Их на самом деле было пять. Две – на концах фермы, так называемые вакуумные коллиматоры, две – также на противоположных участках фермы ближе к середине, это были фазовые резонаторы (каждый – длиной в сто сорок километров), и одна в центре консоли – собственно ворп-генератор, создающий условия для рождения «суперструны».



# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.